В.Н. ТРОФИМОВ

ВОЕННАЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

ББК 67.91-68.9
Т 76

В.Н.Трофимов. Военная и экологическая безопасность. Международное право и сила. Прометей, 1991, 135 с.

Автор исследует проблемы военной и экологической безопасности в их взаимосвязи и взаимозависимости. Акцент сделан на поиске путей использования механизмов по взаимообеспечению как военной, так и экологической безопасности. Автор дает оценку возможностей использования международного права с учетом ограничения принуждения в международных отношениях. В книге классифицируются различные стадии развития опасных ситуаций и даются рекомендации о возможных путях их контроля. Особое внимание уделяется проблеме использования силы в международных отношениях и высказывается мнение о целесообразности пересмотра некоторых стереотипов в этой области.

Т 1207000000-559 без объявления.
183(2)-91

ISBN 5-7042-0552-6

© Трофимов Владимир Николаевич, 1991.

dialog-partner@list.ru

Предисловие

Настоящая работа может представлять определенный интерес при решении практических вопросов, связанных с формированием внешней политики по глобальным проблемам военной и экологической безопасности. По мнению автора, эти проблемы не просто близко связаны или переплетаются, они - в своей основе - являются единой проблемой. Поэтому для их оценки и решения возможно применение единых методов.

Обеспечение глобальной военной и экологической безопасности - это комплексная задача, предполагающая решение целого ряда сопутствующих вопросов. Количество таких вопросов столь велико, что едва ли реально рассмотреть всю их совокупность в одной работе. Поэтому автор поставил перед собой другую цель - рассмотреть лишь ту их часть, которая в принципе определяет главные направления по обеспечению выживания человечества.

Цели монографии определили и ее структуру. В работе рассматриваются вопросы сущности международного права, конкретные пути его применения в связи с ограничением возможности принуждения, некоторые аспекты теории переговоров и достижения компромиссов. Рассматриваются также этапы развития ситуаций, которые могут угрожать существованию человечества: причины их возникновения и способы разрешения с помощью мирных средств, сдерживание и ограничение локальными масштабами. Отдельные разделы посвящены углубленному исследованию этих этапов, анализу некоторых практических ситуаций. Поднимаются также вопросы применения в этих целях силы в международных отношениях, как на коллективной основе, так и отдельными государствами, проблемы поддержания баланса сил и осуществления ядерного сдерживания.

Введение

Обеспечение мира и международной безопасности несомненно относится к одной из основных, глобальных проблем нашего времени, от решения которой зависит само выживание человечества. Нет нужды говорить, какие международные усилия предпринимаются для ее решения. К другой глобальной проблеме конца XX века, также прямо связанной с выживанием человечества, вполне оправданно отнести сохранение окружающей среды*1.

Обе эти проблемы в историческом плане являются достаточно новыми. Лишь итоги двух мировых войн и изобретение оружия массового уничтожения достаточно ясно показали, что мир подошел к порогу всеобщей военной катастрофы, способной уничтожить человечество как таковое. Создание Лиги наций, затем Организации Объединенных Наций, образование крупнейших военных блоков, начало всеобъемлющих переговоров, направленных на сокращение и ликвидацию наиболее опасного оружия, разработка концепций всеобщей безопасности - вот далеко не полный перечень основных направлений, по которым проделана весьма большая работа. По отдельным проблемам уже достигнуты значительные позитивные итоги. Заключен целый ряд многосторонних и двусторонних международных соглашений, прямо направленных на сдерживание и запрещение производства и испытаний, а также на сокращение и ликвидацию отдельных видов вооружений. Можно также утверждать, что в результате конструктивной политики отдельных государств и коллективных международных усилий, за счет изменения общей международной ситуации удалось предотвратить возникновение некоторых военных конфликтов или, по крайней мере, не допустить их разрастания.

Среди последних крупнейших политических и дипломатических достижений в этом ряду стоят заключенный между СССР и США Договор о ликвидации ракет средней дальности и меньшей дальности*2, Парижская хартия 1990г., решения Совета Безопасности ООН, касающиеся агрессии Ирака.

Несколько иное положение складывается в отношении охраны окружающей среды. В этой области еще реально ни разу не возникала угроза уничтожения всего человечества. Хотя относительно крупные катастрофы уже случались, однако ни значительные разливы нефти в море, ни радиоактивное заражение местности, ни загрязнение рек, ни разрушение озонового слоя еще пока не принимали глобальных масштабов. Поэтому с точки зрения оптимистов, предотвращение всемирной экологической катастрофы - это скорее перспективная проблема, которая сейчас находится еще в стадии разработки теории и пока не превратилась в реальность, угрожающую существованию человечества.

К сожалению, есть причины предполагать, что такой подход не имеет под собой достаточно надежных оснований. В ряде научных иссследований указывается, что загрязнение окружающей среды, учитывая ее ограниченный объем и неограниченый рост человечества и масштабов его деятельности, может в скором времени не только существенно ухудшить условия существования человека, привести к исчезновению отдельных видов флоры и фауны, но и превратить в пустыни целые регионы*3. Все большее число специалистов говорит и о том, что неразумное обращение с природой может в уже достаточно недалеком будущем повлечь катастрофические последствия. Это произойдет, например, в случае разрушения озонового слоя планеты и возрастания до опасного предела уровня ультрафиолетового излучения,

достигающего поверхности планеты. Изменение теплового баланса Земли сверх критических показателей способно вызвать полное стаивание полярных шапок льда и затопление огромных пространств суши. Быстрыми темпами идет сокращение площади лесов и плодородных земель, растет число катастроф с экологическими последствиями*4. Иными словами, существуют веские основания подойти к проблеме охраны окружающей среды с разумных позиций и не дожидаться, когда человечество реально приблизится к опасному рубежу.

Конечно, помимо угрозы всеобщей военной катастрофы и опасного загрязнения окружающей среды можно предположить возникновение и иных по характеру глобальных проблем, причем таких, которые на определенном этапе станут непосредственно угрожать самому существованию человечества. Данная работа посвящена лишь проблемам военной*5 и экологической безопасности. Тем не менее, предлагаемые в ней общие подходы, по мнению автора, нередко могут быть применены при решении и других глобальных проблем, которые на определенном этапе будут связаны с обеспечение выживания человечества. Пока же с практической точки зрения своевременно, наверное, говорить лишь о военной и экологической угрозе.

Проблема сохранения окружающей среды имеет, как представляется, два аспекта. Первый из них - это необходимость наладить более эффективное наблюдение за состоянием окружающей среды (мониторинг), определить динамику неблагоприятных изменений, найти их причины и дать рекомендации, какую деятельность осуществлять не следует, а какую необходимо сократить или сопроводить соответствующими природоохранными мерами. В этой области сделано уже немало, и хотя контроль окружающей среды охватывает не все регионы и не всегда касается всех возможных показателей, тем не менее можно, видимо, надеяться, что имеющиеся в этой области знания позволяют более или менее уверенно ориентироваться в вопросе, какую деятельность не следует осуществлять вообще, а какую хотя и можно, но в разумных рамках. Есть и другой, международно - политический аспект проблемы охраны окружающей среды. Мир разделен на суверенные государства, и в каждом из них помимо проблем экологии совершенно по-разному стоят другие общественные проблемы, некоторые из которых настолько остры, что заставляют подчас пренебрегать долговременными экологическими последствиями (чаще всего это экономические проблемы). Конечно, если человечество подойдет к порогу экологической катастрофы, то тогда волей-неволей придется предпринимать коллективные меры для ее предотвращения. Однако, к сожалению, нет никаких гарантий, что к моменту, когда такая опасность станет очевидной для всех, ситуация будет все еще оставаться обратимой. Намного разумнее было бы попытаться не допустить, чтобы такая стадия вообще наступила. Иными словами, желательно разработать комплекс таких мер, которые, с одной стороны, были бы реально осуществимы с политической точки зрения, и с другой, достаточно эффективны, несмотря на специфическую позицию каждого отдельного государства. В этом смысле задача обеспечения экологической безопасности перекликается с теми мерами, которые предпринимаются или могут быть предприняты для обеспечения военной безопасности всего человечества, в том числе, возможно, и коллективной*6 (но совсем не обязательно только коллективной).

Близость вопросов военной и экологической безопасности находит свое отражение в эволюции самого понятия безопасности, которое с начала 80-х годов стало во все большей мере отождествляться не только и не столько с национальной военной безопасностью, сколько с множественностью причин, угрожающих безопасности, и с взаимозависимостью государств*7.

Детальное изучение проблем экологической и военной безопасности позволяет, как представляется, провести параллель в политических и международно-правовых способах их решения. Обе эти проблемы, несмотря на то, что они касаются разных областей человеческой деятельности, имеют много общего. Это общее заключается не только в том, что речь идет о глобальных проблемах, от решения которых зависит выживание человечества. Представляется оправданным говорить и о единых политических и правовых подходах и путях их изучения, о возможности создать единую международно-правовую концепцию их разрешения. Более того, общность характера этих проблем позволяет решать их на общей основе и с организационной точки зрения. Поскольку в настоящее время и в общественных, и в государственных структурах большинства стран вопросы разоружения и экологии решаются различными, нередко совершенно не связанными между собой органами и организациями, постольку, по мнению автора, концептуальная общность этих вопросов может позволить более успешно решать их на общей основе, в единых органах и организациях.

Более того, не всегда можно с уверенностью найти критерии, позволяющие определить, идет ли речь об охране окружающей среды или о предотвращении военной угрозы. Действительно, уже существуют соглашения, не допускающие использование окружающей среды в военных целях*8. Это значит, что к действиям, которые могут быть квалифицированы как военные, вполне могут быть отнесены и действия, не связанные с применением традиционных видов оружия, но которые ведут к нанесению ущерба окружающей среде другого государства в размерах, сопоставимых с ущербом от вооруженного нападения. Можно ли вообще провести четкую грань между военными действиями и нанесением ущерба окружающей среде? Этот вопрос носит далеко не схоластический характер. Если такая грань не существует (а это, видимо, именно так), то это означает, что военная и экологическая угрозы являются не просто близкими или соприкасающимися проблемами, но они - по своей сути - одна проблема, и различия между ними носят лишь внешний характер. Сказанное, конечно, не означает, что между ними вообще нет никаких различий. Такие различия безусловно имеются. Они достаточно существенны, прежде всего в некоторых вопросах методики применения тех или иных средств для предотвращения опасных, как военных, так и экологических ситуаций.

В этом плане представляет очевидный интерес взаимное одновременное изучение проблем военной безопасности и экологии с точки зрения единых методов и приемов их разрешения. Соответственно и цель данного исследования - не всеобъемлющий обзор правовых норм, регламентирующих охрану окружающей среды и сохранение мира (хотя эти вопросы также рассматриваются). Задача заключается в другом - попытаться построить единую, общую систему как проблем военной безопасности, так и проблем охраны окружающей среды (во многом на основе опыта политического и правового регулирования вопросов, касающихся Мирового океана) и наметить возможные - единые - пути их решения с помощью международно-правовых средств.

Подводя итоги 20-го века, приходится с сожалением констатировать, что человечество породило целый ряд новых серьезных проблем, которые перешагнули государственные границы и могут быть решены лишь совместными усилиями. Например, современная медицина хотя и достигла необычайных успехов и казалось бы навсегда покончила с опасностью смертельных эпидемических болезней, тем не менее распространение с середины 80-х годов такого заболевания, как СПИД, показало, что еще рано говорить о ликвидации этой проблемы. Хотя СПИД и некоторые подобные заболевания пока не угрожают уничтожением всей цивилизации,

однако ущерб, который они могут нанести, предположительно столь велик, что потребовались самые срочные и активные усилия в международном масштабе.

Остается открытой и проблема голода, нищеты, несмотря на то, что накопленный экономический потенциал развитых государств вполне позволяет их решить. А ведь эти проблемы не только гуманитарные. Они выступают серьезным фактором дестабилизации политической обстановки, создают неблагоприятные предпосылки обширных социальных конфликтов с тяжелыми последствиями.

Нельзя не сказать и о такой экономической и политической проблеме, как постоянно растущая задолженность развивающихся стран развитым. Можно назвать и другие важные проблемы, которые могут быть решены только на основе коллективных межгосударственных усилий. Однако из всех этих проблем представляется необходимым выделить две - опасность уничтожения всего живого в результате военной или экологической катастрофы. Именно они, в отличие от других глобальных проблем, непосредственно угрожают глобальной катастрофой. Другие же глобальные проблемы (голода, нищеты, задолженности, демографическая, энергетическая, сырьевая и др.), несмотря на всю их серьезность, способны тем не менее создать лишь угрозу военной или экологической безопасности, но не прямую угрозу существованию жизни на Земле.

Сколь реальна угроза существованию цивилизации? Оценки высказываются самые разные. Можно найти точки зрения, что военная и экологическая катастрофы в обозримом будущем нам не угрожают*9. Немало, однако, специалистов, которые предрекают скорое начало третьей мировой войны или, наоборот, уверены, что мир стоит на грани катастрофического изменения состояния окружающей среды*10. Уяснение истины в таких вопросах - весьма важно, однако для целей данного исследования оправданно и достаточно исходить из того, что даже при самых оптимистических оценках нельзя полностью сбрасывать со счетов опасность именно катастрофы, как военной, так и экологической.

Действительно, технические возможности человека поднялись теперь на качественно новый уровень, придали результатам его труда во многих случаях глобальный характер. Возрос созидательный эффект трудовой деятельности, а вместе с ним и размеры ее возможных разрушительных последствий. Несомненно, что уже имеющееся в арсеналах оружие(причем не только ядерное), если оно будет применено в массовых масштабах, способно уничтожить жизнь на Земле.

Казалось бы, трудно найти пример, когда промышленная авария угрожала бы подобными же последствиями, как и военное столкновение. Однако, взрыв на предприятии компании "Оксидентал петролеум" в индийском городе Бхопал унес жизни или искалечил десятки тысяч людей, нефть из потерпевших аварии танкеров "Торри Каньон" и "Амоко Кадис" залила огромные морские пространства, воды Рейна были серьезно заражены в результате сброса в них отравляющих веществ, а чернобыльская авария всколыхнула весь мир. Подобные случаи, которые, к сожалению, не так уж и редки, все-таки по своим губительным последствиям не носят глобального характера. Опасность, причем отличающаяся от военной угрозы, заключается в другом. Если речь идет о боевых средствах, то они либо применяются, либо нет. Либо военные действия начались, либо нет. Проблема состоит лишь в том, чтобы их предотвратить или не допустить их перерастания в глобальный конфликт.

Что же касается угрозы среде обитания человека, то тут ситуация несколько иная. Ее источник далеко не всегда очевиден. Кроме крупных хозяйственных объектов (заводов, атомных электростанций, танкеров), способных в случае аварии нанести ущерб, состояние окружающей среды

может постепенно изменять разумная человеческая деятельность. Результаты неблагоприятного экологического воздействия могут накапливаться. И они действительно постепенно накапливаются. Поэтому далеко не всегда очевидно, последствия какой деятельности в принципе могут представлять в будущем угрозу, и в какой именно момент накопление вредного воздействия перешло ту невидимую грань, когда начнется цепная реакция необратимых последствий. Можем ли мы сейчас с достаточной уверенностью утверждать, что контролируем перегрев земной атмосферы? Можно ли с уверенностью утверждать, что нарушения озонового слоя в Антарктике - это лишь временное локальное явление, которое не приобретет глобального характера? Только настойчивые научные исследования в этих и подобных областях, должный учет авторитетного мнения ученых и существование ясной и эффективной концепции соответствующих международных действий по предотвращению нежелательных последствий может служить на данном этапе какой-то гарантией того, что мы сможем сохранить среду нашего обитания хотя бы в относительно приемлемом для потомков состоянии.

Как представляется, приведенные соображения достаточно ясно подводят к выводу, что уже сейчас вполне оправданно и своевременно, не дожидаясь, когда развитие неблагоприятной ситуации зайдет слишком далеко, активно искать пути и средства ее предотвращения. Думается, что такой подход позволит, с одной стороны, обойти сложный вопрос об оценке вероятности наступления тех или иных событий и, с другой, даст возможность выработать рекомендации, какую политическую линию было бы более оправданно вести в конкретных исторических условиях.

В качестве общего замечания ограничимся констатацией того, что в современных исторических условиях военная и экологическая катастрофы пока не представляются в качестве неизбежного исхода. Можно также исходить из того, что подобный неблагоприятный исход не предопределен историческими закономерностями и поэтому тактические средства внешней политики, например, правовые, могут оказаться достаточно эффективными, чтобы обеспечить развитие ситуации в нужном направлении. Тем не менее целесообразно, не ограничиваясь такой констатацией, попытаться определить более конкретно, о каких возможностях международного права и о каких пределах такой возможности следует говорить. Ясность в этом вопросе позволит более четко и реалистично взглянуть во всех рассматриваемых в дальнейшем конкретных ситуациях, каких результатов можно и оправданно ожидать, пытаясь использовать те или иные правовые средства.

1 Тимошенко А.С. Формирование и развитие международного права окружающей среды. - М.: Наука, 1986, с. 3.
2 Вестник МИД СССР, N. 10, 25 декабря 1987 г.
3 Тинберген Я. Пересмотр международного правопорядка. М.: Прогресс, 1980, с. 202.
4 UNEP News/1987. May/June, No.15, p. 5-7.
5 В тексте используется термин "военная безопасность", хотя в литературе нередко можно встретить иной термин: "военно-политическая безопасность". По мнению автора, используемая им терминология в данном случае более точна, так как в настоящей работе опасные ситуации и способы их предотвращения рассматриваются как самостоятельные проблемы.
6 Тимошенко А.С. Экологическая безопасность и международное право. СЕМП, 1988, М., Наука, 1989, с. 31, 33.
7 Boardman R. Ecological Security, the Oceans, and Common Security. Pacem in Maribus XVII, Moscow, June 1989, p. 2.

8 Например, Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 18 мая 1977 г.
9 Дуглас У.О. Трехсотлетняя война: Хроника экологического бедствия. М., Прогресс, 1975, с. 221.
10 См., например: The Limits of Growth: A Report for The Club of Rome's Project on The Predicament of Mankind. N.Y., 1972, p. 205. Economic Growth vs. The Environment. San Diego, 1972, p. 182.

Д. 4118

Глава I. Международное право и возможности воздействия на позицию других государств

1. Определение права

Что же является предметом данного исследования в правовой области? Под международным правом в узком смысле можно понимать совокупность принципов и норм, как договорных, так и обычных, регулирующих международные отношения. Можно не углубляться в изучение вопроса, сколь общепризнанными должны быть такие принципы и нормы. По крайней мере, очевидно, что они могут возникать в двусторонних отношениях, т.е. признаваться только двумя субъектами международного права. Более того, видимо нельзя не принимать во внимание и односторонние обязательства государств, а тем более такие, которые, например, касаются отказа от применения первыми ядерного оружия*1. Подобные односторонние действия несомненно создают обязанности для субъекта права, касаются международных отношений, могут быть поддержаны другими государствами и т.д. Во всяком случае, международно-правовой аспект тут также присутствует.

В целях дальнейшего исследования представляется целесообразным более подробно сформулировать, что обычно понимается под международным правом в широком смысле. Так, субъекты международного права, участвуя в международных отношениях, выражают свою волю. Эта воля сталкивается с волей другого субъекта права. В результате их взаимной корректировки или просто совпадения может возникнуть согласованная общая воля*2. При этом речь может идти об очень широком круге вопросов - о визите государственного деятеля одной страны в другую, о международной торговой сделке, о совместном политическом демарше, о разграничении территории и т.д. Однако некоторые явления в международных отношениях носят достаточно длящийся характер или повторяются*3. В таком случае может возникнуть норма или принцип права (или, например, морали). Это происходит, видимо, следующим образом. Субъекты международного права приходят к выводу, что в отношении такого повторяющегося, длящегося или ожидаемого явления свою волю надо и в будущем изъявлять в уже однажды согласованном порядке. Согласованная общая воля фиксируется в документе, становясь договорным принципом или нормой, либо согласование предполагается в случае, если стороны достаточно длительное время и неоднократно поступают определенным образом (обычный принцип или норма). Можно в этой связи привести некоторые примеры: именно так фиксируются в документах международные многосторонние и двусторонние договоренности о принципах мирного сосуществования, об основах экономического сотрудничества, о международной ответственности, о прохождении государственных границ. Что же касается обычаев, то в качестве одного из примеров можно, видимо, упомянуть молчаливое признание права на создание 200-мильных экономических или рыболовных зон до выработки Конвенции ООН по морскому праву*4.

Следует, конечно, учитывать, что отдельные обычные нормы, не регулирующие жизненно важных интересов государств, могут сложиться и не как прямой результат согласования их воли (например, если некоторые государства выражают намерение рассматривать в качестве международной нормы решения международных судебных органов или резолюции международных организаций). В любом, однако, случае, если на каком-то этапе выяснится, что признаваемое по крайней мере частью

членов международного сообщества правило не соответствует существенным интересам определенного государства или государств, вряд ли было бы оправданно считать такое правило обычной нормой. Иными словами, в основе возникновения не только договорных, но и обычных норм лежит в конечном итоге концепция соглашения*6, причем при этом оправданно говорить как о совпадении воль государств, так и об их взаимной модификации с целью достижения компромисса.

Нужно, конечно, отметить, что грань между совпадающими и несовпадающими позициями при формулировании норм международного права достаточно условная и необходимая, в основном, с теоретической точки зрения. На практике же позиции могут совпадать только частично, либо только формально, когда каждая из сторон вкладывает свой смысл в достигнутую договоренность. Видимо, в целях данного исследования не так уж и существенно, что между совпадающими и несовпадающими позициями существует на практике определенное число ситуаций, носящих промежуточный характер. Это замечание существенно, чтобы пояснить отношение автора к утверждениям, что существование различных общественно-политических систем означает одновременное существование и различных систем международного права, либо наличие классового характера международного права, что также, как представляется, абсолютизирует возможности толкования норм или стратегические цели каждой из сторон в соглашении. Конечно, возможности для несовпадения позиций существуют, но, наверное, было бы, тем не менее, необоснованно утверждать, что представители различных общественно-политических систем ведут переговоры каждый на своем языке, не понимая другую сторону и не желая ее понять, а лишь стремясь добиться своих классовых целей. Видимо, в современном мире существует, все-таки, достаточное количество ценностей, общих для любых общественно-политических систем. Иначе пришлось бы признать, что мы живем не в сообществе государств, а лишь в системе, не связанной общими правилами и институтами.

В рамках данного исследования автор не берет на себя смелость более глубоко исследовать проблему возникновения международного права, чтобы встать на позиции естественного права, нормативизма, позитивизма или идеи права, хотя при решении практических проблем выживания человечества не может не найти связи с категориями нравственной природы отдельной личности. Да и в целом, видимо, оправданно было бы предполагать, что соглашение, будучи источником права, может быть заключено только в тех областях, которые естественны для человеческой природы, соответствуют законам развития общества*6.

Таким образом, международное право можно, очевидно, определить и как совокупность вышеописанных принципов и норм. Международные права и обязанности субъектов права могут либо существовать достаточно короткий срок и бесследно исчезнуть, либо носят длящийся характер, определяя международные отношения в течение продолжительного периода. Эти последние становятся своеобразным фундаментом международных отношений, представляя из себя фиксированную договоренность или понимание, как в каждом новом случае по аналогии с прошлой практикой или в соответствии с соглашением следует решать вновь возникающие вопросы. Если такие вопросы сходны с теми, которые встречались раньше, то и решения могут приниматься и чаще всего принимаются по аналогии. Субъекты международного права освобождают себя таким образом от необходимости вновь и вновь возвращаться к рассмотрению некоторых проблем, довольствуясь уже найденными ранее решениями. Вышеописанная схема действует вполне успешно при условии, если ранее достигнутые решения вовремя найдены или когда эти

решения, если их несколько, не носят между собой коллизионного характера, и к тому же если все участники правоотношений склонны их придерживаться. Ценность международного права в таком случае заключается в его нормативности, формальной определенности и принудительности*7.

Поскольку международное право существует в организационном смысле как бы самостоятельно, т.е. в форме определенных общих документов, либо одинаково понимаемых правил, вполне понятно искушение толковать его как что-то самостоятельное и как бы независимое от субъектов этого права. Вероятно, такой подход позволяет решать на практике значительное число проблем, но необходимо отметить, что в основе международного права лежит воля отдельных государств лишь частично, а именно - лишь в той части, в которой она полностью или почти полностью совпадает. Нельзя, однако, забывать, что субъекты международного права имеют нередко различные международные интересы, в ряде случаев принципиально не совпадающие. Иными словами, если говорить о существовании различных общественно-политических систем, и считать правовые воззрения продолжением экономического базиса и частью надстройки, то, вероятно, придется признать существование множественности международно-правовых доктрин. Это казалось бы очевидное утверждение довольно близко лежит, однако, к утверждению о множественности международно-правовых систем принципов и норм, опирающемуся на понимание принципиального характера различий между общественно-политическими системами*8. Несомненно, что международное право как совокупность ясно сформулированных принципов и норм существует в единственном числе. Вместе с тем, точно также несомненно, что эта совокупность не может существовать абсолютно независимо и, применительно к каждому государству, является лишь частью общего понимания сущности, возможностей и целей международного права, причем частью, которая объективно совпадает с такой же частью понимания международного права другими государствами. Такое понимание международного права можно считать его национальной официальной доктриной. Однако в силу того, что каждое государство считает, что именно его понимание сущности международного права соответствует объективно существующей реальности, то в этом смысле понятно желание говорить и о существовании не одного международного права, а нескольких. Это положение является далеко не схоластическим, т.к. каждое государство строит свою внешнеполитическую линию, опираясь именно на такое национальное понимание права, а результаты этой линии затрагивают интересы многих других государств. Иными словами, признание классового характера права предполагает и его множественность. Если международное право это лишь совокупность зафиксированных принципов и норм, то тогда оно бесклассовое и общее, а если его понимать как продолжение классового характера государства, то тогда вряд ли возможно было бы обойтись без понятия его множественности.

Для советской доктрины были в какой-то мере показательны взгляды на роль общего международного права и его соотношение с политикой государств известного юриста Г.И. Тункина. Он считает, в частности, принципиальным, устанавливает ли для государств та или иная норма обязанности или права. В зависимости от этого речь идет либо об ограничении деятельности государств, либо об их возможностях предпринимать какие-то внешнеполитические шаги*9. При этом интересно, что Г.И.Тункин сам отмечает, что разница между правами и обязанностями не может быть существенной, т.к. "всякое право есть ограниченное право"*10. Исходя из деления норм права на определяющие обязанности и права государств, Г.И. Тункин указывает далее, что

воздействие международного права на политику определяется в первую очередь тем, в какой мере оно отвечает "сокровенным желаниям народов обеспечить мир"*11, соотношением сил войны и мира*12, и считает, что под этими силами нужно понимать соцстраны (силы мира), капстраны (силы войны) и развивающиеся страны, занимающие в целом прогрессивные позиции*13. Г.И. Тункин отмечает факт ограничения возможности принуждения в международном праве, но не рассматривает его подробно в данном контексте, осуждая лишь концепции "примитивного" права*14 и утверждая, "что реальное воздействие правовой нормы на поведение субъектов права определяется не только возможностью соглашения"*15. Он отмечает также, что сам процесс создания норм международного права используется государствами для достижения некоторых целей их внешней политики*16, но не считает необходимым рассматривать эту проблему более подробно, фактически не касаясь существа процесса согласования воль государств в форме компромисса и не подчеркивая возможность их совпадения, постоянно оговариваясь, однако, об их классовой, а значит несовпадающей природе*17. Именно этот аспект в отношении советской науки международного права отмечает П. Корбет, и за это его Г.И. Тункин подвергает определенной критике*18.

Так существует ли множественность международного права или нет? Да, существует, но только субъективно, с точки зрения каждого (или некоторых, но не всех) отдельного государства. Объективно же международное право существует, вероятно, все-таки в единственном числе.

2. Соблюдение права

Вопрос о соблюдении принципов и норм международного права непрост. Конечно, взятые на себя обязательства необходимо выполнять, и это один из основополагающих принципов права. Вместе с тем представляется недостаточным говорить лишь о необходимости "уважения международной законности" и "строгого соблюдения международных принципов и норм"*19. К императивным нормам международного права относится принцип соблюдения международных договоров, нашедший, в частности, свое отражение и в Конвенции о праве международных договоров. Оправданно ли в такой ситуации вообще рассматривать возможность несоблюдения международных договоров? Не допускается ли тем самым подведение обоснования под в принципе неправомерные действия? Не является ли это допущением признания возможности господства силы над правом в международных отношениях?*20

В этой связи можно высказать следующие соображения. Что касается императивных норм права (jus cogens), то необходимость их соблюдения обычно не вызывает сомнений*21. В отношении других принципов и норм права действует принцип, что субъект права связан лишь теми обязательствами, которые он сам добровольно на себя принял (об этом достаточно ясно говорит, например, статья 34 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.) Кроме того, далеко не всякий отказ даже от уже принятых на себя обязательств является неправомерным. В частности, некоторые международные соглашения содержат соответствующие положения, предусматривающие процедуру отказа как от обязательств, налагаемых отдельными положениями соответствующего договора, так и процедуру выхода из самого договора*22.

А как быть ,когда на международной арене появляется новое

государство? Обязано ли оно соблюдать право, которое создавалось без его участия? Например, Советский Союз и Мексика отказались в свое время от уже существовавшего принципа предоставлять быструю, адекватную и эффективную компенсацию за национализированное имущество. Советский Союз после революции отказался также и от некоторых обязательств царской России*23.

Реальностью современных международных отношений являются как неправомерные отказы от уже взятых на себя обязательств, так и действия, идущие вразрез с требованием императивных норм права*24. Выяснение, однако, правомерности или неправомерности тех или иных шагов нужно не само по себе, а как правило, для решения вопроса о вине и ответственности*25. Конечно, институт ответственности является серьезным инструментом стабилизации и упорядочения международных отношений. Цель данного исследования, однако, это не выяснение вопроса, сколь правомерны те или иные действия субъекта международного права, а уточнение мотивов и механизма таких действий с целью использования средств права (в том числе и института ответственности в той мере, в какой он может быть применим) для предотвращения опасных для существования человечества ситуаций. И конечно же, рассмотрение вопроса о несоблюдении требований международного права нельзя рассматривать как попытку оправдать такие действия.

Если же говорить о мотивах подобных шагов, подчас неправомерных, то можно отметить следующее. Видимо, можно утверждать, что в любом государстве при принятии тех или иных решений, затрагивающих международные отношения, учитывается необходимость в принципе соблюдать международное право, т.к. вполне очевидно, что если каждый участник правоотношений будет соблюдать лишь какие-то отдельные, выгодные только ему принципы и нормы, то по существу может быть поставлено под вопрос существование всей системы предыдущих договоренностей. Опасность вызвать хаос и анархию служит серьезным сдерживающим фактором, не позволяющим слишком вольно обращаться с международным правом, даже несмотря на искушение получить в определенный исторический момент какие-то конкретные преимущества. Тем не менее жизнь полна исключений из принципа pacta sunt servanda. Можно говорить, что в таких случаях нередко действует механизм взвешивания, с одной стороны, общеисторических интересов и, с другой - конкретных национальных интересов*26, а также размеров возможной ответственности.

3. Применимость права и его развитие

Поскольку человечество в своем развитии постоянно сталкивается со все новыми проблемами, возникает вопрос о применимости к ним уже существующей системы права. Конечно, абсолютных исторических аналогий, видимо, не бывает. В любом случае новые события в чем-то отличаются от старых. Однако у таких новых событий их принципиальное существо может не отличаться от уже имевших место прецедентов. В таком случае нередко оправданно применить уже существующие принципы и нормы. К этой же категории относятся и те случаи, когда международно-правовые положения выработаны заранее для применения к той или иной ситуации, возникновение которой только предполагается в будущем. Если существующее международное право не регулирует вновь возникшей ситуации, тогда обычно ставится вопрос о корректировке или развитии права.

Если обобщить высказанное, то можно выделить следующие элементы (или этапы) возникновения и развития международного права: 1. Возникновение воли субъекта права; 2. Согласование воль субъектов права; 3. Формирование содержания принципов и норм; 4. Признание государствами вновь сформулированных принципов и норм; 5.Применение принципов и норм к существующим или новым ситуациям; 6. Отказ от старых принципов и норм; 7. Развитие старых принципов и норм или выработка новых принципов и норм.

Если еще раз вернуться к одному из определений международного права (совокупность принципов и норм, как договорных, так и обычных, регулирующих международные отношения*27), то нельзя не заметить его узкий, довольно ограниченный характер. Если исходить из необходимости анализа общественных отношений в динамике, в их развитии, то роль международного права будет видна полностью лишь тогда, когда его будут рассматривать не как существующий фиксированный набор или совокупность положений, а как процесс, как диалектическое единство предпосылок и условий возникновения права, его существования, развития и одновременного исчезновения его принципов и норм*28.

4. Ограничение возможности принуждения

Столь детальный разбор подобного общего и, вообще говоря, достаточно очевидного для юристов вопроса о развитии международного права представляется все-таки необходимым. Иногда все еще приходится сталкиваться с точкой зрения, исходящей из неоправданно заниженной оценки возможностей использования правовых рычагов, и предполагающей, что роль юриста-международника сводится лишь к хорошей ориентации в существующих соглашениях, к умелому применению и толкованию содержащихся в них норм, в правильном документальном оформлении (причем, видимо, не только в письменной, но возможно и в устной форме) согласованных между государствами позиций. Все это, конечно, так, и умелое использование представляющихся возможностей в этих областях приносит определенные результаты. Все же, как представляется, важнейшее средство правового воздействия на международные отношения заключается не в этом. Крайне существенным является этап формулирования правовых норм в той части, в которой речь идет не просто о соответствии формальной стороны сформулированной нормы тому явлению, которое она призвана регулировать. Нередко воли государств на начальном этапе переговоров как раз не совпадают и процесс их согласования нередко предоставляет достаточно широкие возможности серьезно влиять на позицию другого государства, на будущие направления развития межгосударственных отношений, на объем прав в вопросах, способных возникнуть в далекой перспективе*29, тем более, что в современных условиях международные переговоры идут крайне интенсивно (например, только в рамках ООН за год проходит около трех с половиной различных встреч и совещаний и еще столько же на различных региональных встречах*30).

Однако, как же на практике с помощью правовых средств можно существенно повлиять на будущую позицию другого суверенного государства по какой-то проблеме? Логично, казалось бы, ожидать, что специалисты каждой страны будут всегда самостоятельно определять и формулировать ее внешнеполитическую линию, исходя из собственных государственных интересов, и если какая-либо международно-правовая норма не будет соответствовать этим интересам или будет этой стране

навязываться, то она просто откажется ее признавать или, если такая норма уже существует, соблюдать ее.

Тут, как представляется, можно попытаться сформулировать важный элемент подхода к определению возможностей международного права. Действительно, вряд ли реально стоит рассчитывать, что можно заставить другое государство согласиться на установление правовой нормы, которая прямо и очевидно не соответствует его интересам. Это стало особенно заметно в связи с делением мира на разные общественно-политические системы и даже заставило говорить о вызванном им сужении базы для развития общего международного права*31. В своем подавляющем большинстве именно потому, что такое прямое навязывание невозможно, уже изначально, надо полагать, обречены на провал попытки разработать свой проект международной договоренности, который основывается только на собственном понимании какой-то ситуации и на собственных в ней интересах, выдвинуть этот проект в качестве внешнеполитической инициативы, а потом ожидать от юристов, что они каким-либо им одним известным способом склонят другое государство к участию в такой договоренности. Если обратиться, к примеру, к практике ООН, то можно найти просто неисчислимое количество таких инициатив, которые так и не были никогда реализованы. Следует отметить, что Советский Союз занимает далеко не последнее место по количеству таких выдвинутых им и не поддержанных международным сообществом инициатив. Наверное, успех здесь возможен лишь только в тех немногочисленных случаях и только в той степени, в которой интересы другого государства объективно совпадают с интересами данной страны по какой-то конкретной проблеме, которая настолько важна, что перевешивает все остальные отрицательные соображения (скажем, соображения осторожности или нежелания помогать другой стороне поднимать свой престиж как инициатора важного международного шага). Данный вопрос представляется вполне очевидным. Тем не менее, достаточно часто можно столкнуться с подходом, когда юристы, вполне правильно считая, что реализация системы международной безопасности зависит от политической воли государств, склонны, несмотря на это, видеть конкретные пути создания такой системы лишь в разработке новых международных договоренностей в ряде определенных областей*32.

Эта проблема достаточно важна для правильного понимания возможностей международного права. Допустим, в международных отношениях существует какое-то явление, которое представляется нежелательным. Можно предположить, что в результате тех или иных политических маневров удалось добиться одобрения на международном уровне принципа, запрещающего это явление. Каковы будут результаты подобной акции? Будет ли такой принцип реально действовать, будут ли государства соблюдать на практике установленный запрет хотя бы в том случае, когда они официально согласились с провозглашенным принципом и считают, что договоры должны выполняться (а договоры должны выполняться)? Наверное, во многих случаях можно услышать мнение, что именно таким путем и следует поступать, чтобы искоренить те или иные негативные явления, либо добиться установления какого-то положения и его признания. Как представляется, подобный подход является одним из широко распространенных и традиционных заблуждений. Конечно, если регулируемый вопрос является мелким и непринципиальным, то возможно, что таким путем удастся добиться определенных результатов. Если позиции государств по регулируемому вопросу действительно реально совпадают, и проблема заключается только в недостатке взаимопонимания, то и в этом случае скорее всего будет обеспечен позитивный итог. Однако если "искореняемое" явление достаточно

значительно, существует в силу объективно действующих закономерностей (и соответственно проявляется через субъективные желания определенных государств), то попытки запретить его или разрешить с помощью средств международного права наверняка обречены на провал. Хороший пример, это попытки запретить применение силы в международных отношениях. Можно предполагать, что, все-таки, не все страны были согласны с таким запретом, однако в силу политического давления, вызванного во многом фактом очередной мировой войны, не смогли публично и официально выступить против. В результате в Уставе ООН нашли отражение соответствующие положения, обязывающие воздерживаться от применения силы или угрозы ее применения (пусть даже не во всех случаях). Соответственно, по крайней мере все государства-члены этой организации связаны таким обязательством. Совершенно уверенно можно утверждать, что ни одно государство не выступит публично за разрешение применения силы и, более того, будет стремиться осуждать это явление. Есть ли, однако, необходимость приводить длинный список стран, которые в послевоенный период прибегали к применению силы, а тем более к угрозе ее применения, всякий раз, естественно, находя этому соответствующее оправдание: самооборона, пресечение терроризма, защита завоеваний социализма, защита жизненно важных интересов и т.д.#33?

Можно предложить следующее объяснение этого факта. Сила является одним из основополагающих элементов поддержания международного порядка и существует в таком качестве вполне объективно. Применение силы или угроза ее применения продолжают оставаться объективным элементом во многих случаях межгосударственных отношений вне зависимости от того, запрещены они или нет. В условиях же, когда идея коллективной безопасности оказались малоэффективными на практике, эта роль силы оказывается особенно заметной. Конечно, вполне понятно и объяснимо желание международного сообщества покончить с войной. Однако когда пути достижения такой цели (если считать, что в современных условиях это в принципе возможно) входят в противоречие с объективными законами функционирования системы государств, то надежды с помощью подобных запретов добиться каких-то осязаемых результатов можно рассматривать в лучшем случае лишь как иллюзию.

Возвращаясь к проблеме эффективности внешнеполитических инициатив, можно отметить следующее. Тут возможен случай, когда интересы государств совпадают или наоборот, когда они не совпадают. Ситуация, когда интересы государств объективно совпадают, будет подробнее исследована далее. Во всех же остальных случаях, когда такого совпадения нет (а к ним довольно часто относятся именно проблемы войны и мира), итог вышеупомянутых односторонних внешнеполитических инициатив обычно не очень успешен. Во-первых, публично выдвигая свой проект международного соглашения, государство, вольно или невольно, но претендует таким образом приобрести политические дивиденды как сторонник и инициатор решения каких-то важных международных проблем. Другие государства, особенно те из них, которые относятся к иной общественно-политической системе, далеко не всегда заинтересованы поддерживать престиж своего идейно-политического противника. В результате иногда даже вполне оправданная инициатива не находит соответствующей международной поддержки. К сожалению, далеко не всегда бывают приняты и предложения, выдвигаемые не на официальном, а даже на рабочем уровне. Хотя тут, как правило, не преследуется пропагандистский эффект, тем не менее трудность подчас заключается просто в недостатке (а порой и обоснованном) взаимного доверия. Действительно, когда другая сторона на переговорах готовит свой

вариант соглашения, она его естественно, глубоко прорабатывает, просчитывает какие-то далеко идущие варианты, и даже при внимательном и достаточно продолжительном изучении документа можно упустить какие-то акценты, "домашние заготовки", которые могут обнаружиться только со временем. Видимо, во многом поэтому проекты совместных, особенно многосторонних соглашений нередко готовит хотя бы относительно незаинтересованная или нейтральная сторона - секретариат ООН или другой международной организации, какой-то представитель одной из сторон, который считается придерживающимся относительно объективных взглядов. Одновременно все большее распространение приобретает практика согласования тех или иных договоренностей в рамках различных неофициальных и рабочих групп*34.

Другой путь - создавать международную договоренность совместно, когда каждая из сторон непосредственно участвует в разработке соглашения и предполагает, что знает о всех возможных "подводных камнях". Таким образом, был, например, в конце семидесятых годов подготовлен первый совместный советско-норвежский проект о создании "серой зоны" по вопросам рыболовства в районе Баренцева моря, являющегося предметом переговоров о разграничении зон морской юрисдикции. В этом довольно щекотливом вопросе преодолеть взаимное недоверие помогло именно то, что руководители двух делегаций в короткий срок смогли выработать проект соглашения, что называется, "с нуля".

Поскольку на практике многие международные соглашения достаточно сложны по содержанию, представляется далеко не всегда возможным начинать их разработку на коллективной основе. В таком случае первый проект разрабатывает, например, секретариат международной организации, под эгидой которой идут переговоры, или специально назначенное лицо (такова практика Комиссии международного права), а уже готовый документ обсуждается совместно всеми его потенциальными участниками и в него вносятся необходимые изменения.

Подобная специфика выработки международных соглашений, приемлемых для всех заинтересованных сторон, в конечном итоге проистекает, видимо, из ограничения возможности принуждения в международных отношениях*35. Основными и типичными субъектами международного права являются государства. Суверенитет государства - это вся полнота его законодательной, исполнительной и судебной власти в пределах собственной территории. Кроме того, суверенное государство вольно определять и свои акции, касающиеся международных отношений, быть самостоятельным в своих внешних делах. Тут, естественно, необходимо понимать разумные рамки подобной свободы, ограниченные мнением международного сообщества. Конечно, государство может проводить такую линию в своих внутренних делах, которую оно считает наиболее необходимой. Однако помимо договорных обязательств каждой стороны существуют принципы международной морали. Существуют также и общепризнанные принципы международного права, которые носят императивный характер. По определению предполагается, что они должны безусловно соблюдаться всеми государствами. К ним, например, относится принцип уважения прав человека и основных свобод. Если какое-либо государство строит свою внутреннюю политику, нарушая этот принцип, то международное сообщество сочтет такие действия неправомерными и может даже предпринять определенные (но все-таки ограниченные) меры принуждения, чтобы обеспечить соблюдение такого принципа*36. Вышесказанное в еще большей мере относится к внешней политике государств, поскольку международные отношения во многих аспектах уже достаточно подробно регламентированы международным правом.

Тут существенно подчеркнуть разницу в степени свободы субъектов международного права и субъектов внутригосударственного права. Во внутригосударственных отношениях юридические и физические лица, имея определенную свободу выбора, обязаны выполнять государственную волю, если она ясно выражена, и принуждение выполнения обеспечивается всей мощью государственного аппарата. В международных отношениях государства, являющиеся основным субъектом международного права, также обязаны соблюдать общепризнанные принципы международного права, а также договорные принципы и нормы, которые они признали для себя обязательными, и, кроме того, и обычные принципы и нормы. В международных отношениях отсутствуют, однако, в отличие от внутригосударственных отношений, законодательные органы, способные принимать нормы права, обязательные для субъектов*37.

Конечно, несоблюдение международного права также может вызвать принуждение. Оно носит однако не надгосударственный характер, а осуществляется индивидуально или коллективно государствами, международными организациями, являющимися органами сотрудничества государств и действующими на основе соглашения между ними, а также нациями, борющимися за независимость*38. Соответственно, такое принуждение ограничено в силу того, что осуществлять его, в отличие от внутригосударственных отношений, должны в сущности равные между собой субъекты*39. Что касается методов принуждения, то некоторые юристы выделяют такие из них, как дипломатические (включая угрозу применения силы), идеологические, военные и экономические*40. Важно, конечно, что принуждение все-таки существует, пусть и в ограниченной форме. Без принуждения международное право было бы, наверное, лишь "позитивной международной моралью"*41.

На высоком политическом уровне в Советском Союзе высказывалось мнение, что в условиях ядерного века действенность международного права должна опираться не на принуждение к исполнению, а на нормы, отражающие баланс интересов государств*42. Тут можно отметить следующее. Если нормы отражают баланс интересов государств, т.е. иными словами выработаны по крайней мере на основе справедливого компромисса, то речь по существу идет об уже совпадающих интересах, и поэтому можно в сущности не беспокоиться о соблюдении международного права в этом случае, т.к. стороны договоренности уже сами заинтересованы в ее соблюдении (по крайней мере до тех пор, пока обстоятельства не изменятся коренным образом - rebus sic stantibus). Если же государство не желает соблюдать общепризнанную норму права, то принуждение, видимо, неизбежно, хотя чаще всего и в ограниченной мере. Бесполезно в таком случае говорить о поиске каких-то новых норм, которые отразили бы новый баланс интересов. В вышеприведенном тезисе понятен лишь акцент на нежелание применения силы в спорных ситуациях, но использованные при этом формулировки носят достаточно неясный, а может быть даже и путаный характер.

В основе ограничения возможности принуждения лежит существование человечества в качестве сообщества суверенных государств, а не в качестве, например, одного государства. Государства равны между собой как суверенные образования, и не существует какого-либо центрального органа, наделенного полномочиями определять обязательные для них правила поведения. Вопрос о соблюдении международного права и о принуждении прямо связан с вопросом о характере сообщества государств. Поскольку порядок в таком сообществе во многом опирается на существование системы баланса сил, возникает вопрос о соотношении права и силы. Может быть, вообще право не существует как таковое, а соответствующие правила, которыми руководствуются страны в международных общениях, это только форма

воли сильных государств, навязанная более слабым? Подобное утверждение могло бы быть справедливо лишь в том случае, если бы в международном сообществе имелось такое государство, которое в абсолютной форме доминировало бы в военной и других областях, либо существовало несколько таких сильных стран, во всем выступающих с единых позиций. Поскольку это не так, и современное общество характеризуется по крайней мере несколькими полюсами силы, то соответственно и право, хотя оно в значительной мере и определяется ими, тем не менее представляет из себя совокупный итог их взаимодействия. Полюса силы не формулируют право непосредственно - оно складывается как самостоятельный продукт их взаимодействия. В качестве одного из примеров, подтверждающих, что международное право не находится в прямой зависимости от силы, можно было бы привести решение Гаагской конференции 1907 года запретить насильственное взыскание долгов. Как известно, несмотря на это государства в целом не отказались от уплаты долгов.

Нужно также добавить, что поскольку государства существуют не только в качестве системы, но и в качестве сообщества, то есть поскольку они связаны некоторыми основополагающими целями и ценностями, постольку существует и международное право как одна из форм взаимодействия для достижения этих целей и сохранения определенных ценностей.

Вопрос о соотношении права и силы породил широкий спектр различных, а подчас просто полярных концепций в этой области, предполагающих как прямую зависимость права от силы, так и абсолютную его независимость. Среди них можно упомянуть те, которые исходят из необходимости учета силы (баланса сил) в международных отношениях, например, концепцию "политического реализма*43". Ее сторонники достаточно критически относятся к вопросу о самостоятельности роли международного права, а нередко и вовсе ее отрицают*44. Можно также привести в качестве примера концепцию ориентированного на политику международного права (Policy Oriented International Law), согласно которой право перестает быть системой обязательных норм, становясь лишь элементом политики*45.

Необходимо подчеркнуть и еще одну весьма существенную разницу в свободе субъектов международного и внутригосударственного права. Если последние, как правило, не имеют возможности выбирать, действие каких норм они хотели бы распространить на себя, а каких нет, то государства такую возможность, наоборот, во многих случаях имеют. Обязательными к выполнению являются общепризнанные принципы международного права. Необходимо выполнять также обычные принципы и нормы права, хотя ответственность за их несоблюдение нередко бывает только моральной. Впрочем, в международной практике нередки случаи, когда международный судебный орган, например, Международный суд ООН, при разборе того или иного дела принимал во внимание обычные нормы и, вынося свое решение, носящее обязательный характер, во многом обосновывал его необходимостью соблюдения именно таких норм. Нет нужды говорить, что государство должно выполнять также те обязательства, которые оно само на себя добровольно взяло. Как правило, каждое государство участвует во многих двусторонних и многосторонних соглашений и, конечно же, должно их соблюдать. Особенность, однако, отличающая государства от субъектов внутригосударственного права, заключается и в том, что государство участвует в разработке норм международного права и если оно того пожелает,то может, вообще говоря, вполне правомерно отказаться от соблюдения вытекающих из этих норм обязательств, которые оно само на себя взяло (конечно, есть исключения и из этого правила). Субъекты

внутригосударственного права чаще всего не вольны в выборе, какие нормы соблюдать, а какие нет, к тем более они не могут непосредственно участвовать в процессе нормотворчества.

Подводя таким образом итог, можно констатировать следующее. Государство обязано выполнять общепризнанные принципы международного права. Оно также обязано выполнять конвенционные нормы, с которыми оно также согласилось, и обычные нормы, против выполнения которых оно ясно и своевременно не высказалось. Тем не менее, субъект международного права вполне может отказаться от выполнения конвенционных и обычных норм, и в подавляющем большинстве случаев такие действия необходимо признать правомерными*46. Наконец, нужно, видимо, признать, что бесполезно пытаться предлагать суверенному государству взять на себя по договору такие обязательства, выполнение которых оно считает нецелесообразным (что, конечно, не означает отказа от признания необходимости считаться с определенными социальными ценностями*47).

Вышесказанное позволяет теперь подойти к более точной и полной характеристике возможностей влияния на развитие международных отношений с помощью правовых средств. Эти возможности проявляются принципиально по-разному в двух следующих возможных ситуациях. В первом случае позиции государств по какому-то международному вопросу совпадают. В такой ситуации задача специалистов - определить и сформулировать интересы государства, найти область совпадающих с ними интересов другого государства и в приемлемой форме согласовать между собой эти интересы (например, провести переговоры, найти необходимую правовую формулировку этого согласования, опирающуюся на прецеденты, отвечающую общим требованиям международного права, точно фиксирующую интересы сторон)*48. Строго говоря, работа юриста начинается в этом процессе с выработки правовых формулировок.

Второй случай - когда позиции сторон по какой-то проблеме не совпадают. В таком случае возникает задача поиска и достижения разумного взаимоприемлемого компромисса. Один из немногих путей решения этой задачи - поиск возможностей уступки каждой из сторон в условиях, когда позиции каждой из них уже ясно определились. Возможностей найти взаимоприемлемое решение в такой ситуации, однако, довольно мало. При сформировавшихся позициях сторон, особенно если они были уже заявлены на достаточно высоком политическом уровне, возможности для дипломатического маневрирования и уступок бывают самыми минимальными. Это, в сущности, и понятно, т.к. ясное видение всеми сторонами всех плюсов и минусов каждого из вариантов выхода из возникшей проблемы, а к тому же еще и определенная угроза потери политического престижа в результате уступок и отступления от своих прежних позиций делают позиции сторон негибкими и в лучшем случае обещают какие-то развязки скорее на политическом уровне. Иными словами, в подобной ситуации возможности использования средств международного права не особенно велики. Какие-то более или менеее существенные результаты могут быть скорее достигнуты с использованием политических средств и с привлечением специалистов именно в этой области, но совсем не обязательно юристов.

Если в данном случае компромисс бывает все-таки найден, то это скорее всего означает, что позиции сторон по существу совпадали, хотя по форме, видимо, столь различались, что казались и в целом противоположными и, может быть, даже взаимоисключающими. В данном случае юридические средства были использованы лишь в части, предполагающей юридическое оформление, но не воздействие на позицию другой стороны.

Имеют место, конечно, и случаи, когда позиции сторон различаются по существу и объективно не совпадают, а компромиссное решение тем не менее удается найти. В таком случае, однако, юридические средства не играют главной роли, а развязки бывают найдены, как уже указывалось, обычно на политическом уровне, причем подчас за счет уступок только одной стороны (пусть даже и не явных).

Наиболее частая категория случаев, это когда компромисс означает взаимные уступки в разных областях (отличающихся по предмету или по времени), например, когда одна из сторон уступает или приобретает какие-то преимущества конкретного плана, соответственно приобретая или уступая в вопросе долгосрочного характера, который может привести к реальным выгодам лишь по прошествии определенного периода времени. Тут имеет место ситуация, когда выгоды сторон в той части проблемы, которая касается долгосрочной перспективы, еще не до конца ясны, а позиции еще не до конца официально затверждены, т.е. когда еще есть возможность пойти на уступки без существенного ущерба для своего престижа. В качестве примера можно привести переговоры в рамках Комитета по использованию космического пространства в мирных целях, когда там решался вопрос, какие проблемы должны рассматриваться как приоритетные. В частности, космические державы были заинтересованы в первую очередь рассматривать принципы, регулирующие деятельность в космосе или вопросы оказания помощи космонавтам, в то время, как остальные страны были более склонны отдавать предпочтение проблеме компенсации ущерба, вызванного такой деятельностью. Компромисс удалось найти именно потому, что области интересов не совпадали*49. Конечно, таких примеров из практики международных переговоров можно привести достаточно много, в частности, и в отношении Третьей конференции ООН по морскому праву*50.

Было бы, видимо, и в целом правильнее понимать работу по поиску компромисса в более широком плане*51. Речь идет именно о той ситуации, когда позиции сторон по какой-то проблеме еще не окончательно определялись, и даже в еще большей мере о ситуации, когда преимущества и недостатки тех или иных решений сторон могут предвидеть лишь отдельные наиболее квалифицированные специалисты. Вправе ли мы вообще относить решение таких ситуаций только к компетенции юристов-международников, а не, например, специалистов-историков, дипломатов или, скажем, экономистов? Конечно, нет, однако тут необходимо принять во внимание следующие обстоятельства.

Очевидно, что предвидение перспектив развития международных отношений дает несомненные преимущества той стороне, которая смогла сделать наиболее верную, точную и всестороннюю оценку. Однако после этапа оценки наступает, очевидно, этап реализации, то есть определения общей перспективной линии, а затем и принятия конкретных шагов, опирающихся на оценку и призванных опередить события, повлиять на их развитие. Соответственно, центр тяжести переносится в таком случае уже на механизм, с использованием которого предполагается реализовывать эту перспективную линию. Конечно, вряд ли можно взять на себя смелость утверждать, что использование специалистов в иных областях, чем юриспруденция, может оказаться на этом этапе менее эффективным*52. Однако вполне можно в общих чертах оценить, каков может быть вклад именно юристов (то есть возможности средств именно международного права, а не просто дипломатии во всех ее формах) в процесс формирования подобной долговременной перспективной политической линии государства.

Действительно, современное международное право представляет из себя совокупность самых разнообразных конвенционных и обычных

принципов и норм. Свободно ориентироваться в таком специфическом вопросе может, очевидно, лишь достаточно высоко квалифицированный специалист. Главное же, однако, как представляется, заключается даже не в этом. В отличие от других областей международных отношений, международное право есть точное и подробное отражение в документах взаимоотношений государств, которые если и подвергаются толкованию, то в довольно разумных рамках. Международное право – это та часть политики, экономики, дипломатии, истории, оценка которой взаимно признана государствами и документально отражена. В этом смысле международное право стоит как бы над этими видами международных отношений, объединяя вместе весьма важную их часть. Наиболее же существенно – это то, что государства не только совместно признали эти принципы и нормы, но и добровольно взялись их выполнять, добровольно себя ими связали.

Тут необходимо вновь вернуться к вопросу о соблюдении субъектами международного права взятых на себя обязательств. Конечно, государства, как уже подчеркивалось, могут отказаться (чаще всего вполне правомерно) от уже взятых на себя обязательств, в том числе если сочтут, что они существенно ущемляют их интересы (особенно связанные с их безопасностью*53), или по тем же соображениям не согласятся принять на себя новые обязательства. Ключ к пониманию роли юридических инструментов в воздействии на их позицию заключается, как представляется, в следующем. Вообще говоря, отказ от принятия на себя новых обязательств (или акция по отказу от уже принятых на себя обязательств, если возникают сомнения в ее правомерности) может быть встречен международным сообществом с пониманием в том случае, если речь идет о каких-то очевидно существенных для этого государства интересах. На практике так обычно и происходит – если вырабатывается соглашение, призванное решить какую-то проблему (пусть даже не обязательно очевидно острую), то государство, отказываясь от участия в таком соглашении без разумных, по мнению других стран, причин может вызвать по отношению к себе осуждение международного сообщества и обвинения в нежелании способствовать поискам развязок в актуальных международных вопросах. То же касается и выхода из уже действующего соглашения. Более того, даже в тех случаях, когда государства выдвигают вполне, по их мнению, весомые причины в обоснование таких своих шагов, они рискуют попать под достаточно острую критику. В качестве примера можно, например, вспомнить ситуацию, сложившуюся в связи с выходом США из ЮНЕСКО, в связи с отказом этой страны ратифицировать договор ОСВ-2 или подписать Конвенцию ООН по морскому праву.

Нужно отметить, что проблема признания или непризнания государствами тех или иных уже существующих норм международного права привела к возникновению и различных концепций, либо оправдывающих такой подход, либо наоборот, не признающих его законность. Речь идет о теории "основной нормы", концепциях "естественного права", позитивизма, неопозитивизма и т.д.

Таким образом, можно, видимо предположить, что если субъект международного права считает, что общие интересы сохранения международного правопорядка, а также интересы поддержания благоприятного о себе мнения международного сообщества (а также общественного мнения внутри страны)*54 перевешивают какие-то его собственные, сравнительно не столь крупные интересы, то в таком случае он может принять решение воздержаться от шагов по освобождению себя от каких-то не слишком желательных для него обязательств или согласиться с какими-то новыми обязательствами, хотя, строго говоря, такое право у него и будет. Вообще, причин

соблюдения "невыгодного" для государства права может быть достаточно много, и не обязательно мотивом является боязнь нежелательных моральных последствий, хотя это обстоятельство достаточно весомо при принятии соответствующих решений. В более абстрактной форме выбор, стоящий перед государством, заключается, видимо, в оценке баланса цены соблюдения права или преимуществ от его нарушения*55.

Нужно отметить, что на современном этапе в практике международных отношений возникли и процедуры, в которых заложены более существенные возможности достижения компромиссов, и которые, в сущности, позволяют более легко добиваться каких-то уступок. Речь идет о процедуре достижения общей договоренности и принятии решений консенсусом*56, предполагающим необходимость проведения переговоров и поиска взаимоприемлемых развязок в случае, когда имеет место расхождение во мнениях*57.

5. "Мягкое" принуждение

Теперь можно рассмотреть, какие же конкретно случаи попадают в эту "вилку" баланса между общими международными и частными национальными интересами. Во-первых, речь идет о разумных, хотя и незначительных по отдельности, уступках и компромиссах, не наносящих ущерба политическому престижу. Во-вторых, в эту категорию попадают, что важно, все те достаточно на первый взгляд мелкие вопросы, о которых в данный момент нельзя с уверенностью сказать, какие последствия они повлекут. Тут можно взять на себя смелость утверждать, что на практике такой характер имеют часто именно вопросы юридического характера, в которых по определению заложен элемент абстрактной, а значит и неопределенной структуры. Кроме того, юридические проблемы внешне нередко касаются именно каких-то конкретных формулировок, чаще всего носящих сложную для обыденного восприятия форму.

Важно отметить, однако, что подобная юридическая работа с множеством мелких, носящих внешне абстрактный характер вопросов может иметь и часто имеет не только разовый эффект, но нередко позволяет повлиять, а подчас и предопределить развитие событий в будущем, имеющих достаточно существенное значение. При этом наиболее плодотворная тактика - это постоянно находиться в центре решения вопросов определенной категории, исподволь проводя определенную линию и не "перегибая палку" в каждом отдельном случае, "играть динамичную и конструктивную роль"*58. В результате настойчивой и длительной работы можно достичь весьма существенных результатов, при условии, конечно, если и скорый результат достигается постепенно, и процесс строится таким образом, что участвующие в нем государства ни разу не имеют крупного очевидного повода "выйти из игры". Поскольку при этом, как уже указывалось, на одной чаше весов нередко находятся общие интересы всего международного сообщества, а на другой конкретные, относительно более мелкие частные национальные интересы, то линия на постепенное воздействие по существу означает, что эти конкретные интересы распределяются на какой-то определенный временной отрезок, причем таким образом, чтобы ни в какой отдельный момент они не могли перевесить общие интересы. Этот механизм может сработать (и обычно срабатывает) в силу того простого обстоятельства, что общеисторические и общеполитические интересы обладают стабильным характером и имеют примерно одинаковое значение в любой период, в то время как частные национальные интересы относительно более мелки и, главное, нередко сиюминутны, относимы к

какой-то определенной исторической ситуации и чаще всего исчезают вместе с ее изменением, уступая место подобным же другим частным интересам.

Видимо, использование данного механизма воздействия на позицию другого государства является определенной формой принуждения. Его можно условно назвать "мягким" принуждением (по аналогии, например, с "мягким" правом). Это, конечно, не принудительные меры по Уставу ООН, которые являются крайней формой воздействия с целью прекращения противоправных действий и оправданно должны рассматриваться как способ обеспечения наступления политической ответственности. "Мягкое" принуждение - это и не форма превентивной дипломатии, как она обычно понимается. Принуждение само по себе является довольно широким понятием, означающим способ воздействия на другую сторону вне зависимости (вопреки) от его воли. Речь идет о случаях, когда субъект достаточно ясно выражает свою волю и его заставляют поступать вопреки ей, а также когда субъект еще не сформировал своей позиции, и его заставляют, явно или неявно для него, совершить какой-то поступок или воздержаться от него. В рассматриваемом нами случае воздействия на позицию другой стороны при решении международных проблем речь идет именно о принуждении, а не о, например, убеждении или просто о воздействии (конечно, принуждение это форма воздействия, но последнее является слишком широким понятием), т.к. в конечном результате эта сторона вольно или невольно предпринимает шаги, которые ей в определенном смысле невыгодны и которые означают для нее какую-то уступку (осознанную или неосознанную).

В данной главе говорилось об ограничении возможности принуждения в международном праве. Является ли "мягкое" принуждение его формой или это самостоятельное понятие, и использование близких терминов будет вызывать лишь ненужную путаницу? Когда мы говорим об ограничении возможности принуждения, то мы при этом имеем в виду, что субъект международного права нельзя принудить с помощью любых средств соблюдать это право, если он этого не желает. Принуждение возможно, но оно ограничено. Во внутригосударственных отношениях возможности для принуждения несомненно более широкие. В международных же отношениях государство в подавляющем числе случаев связывает себя обязательствами только добровольно. Когда мы говорим о "мягком" принуждении, то имеем в виду метод ведения переговоров или иной конкретный способ реализации внешнеполитических целей, который основывается на принуждении другого государства к принятию на себя обязательств, в какой-то мере не соответствующих его интересам. Как мы видим, "мягкое" принуждение это один из путей расширения возможностей принуждения в международном праве, одна из его конкретных форм, не предполагающая использования силы для своего обеспечения.

Было бы неправильно рассматривать "мягкое" принуждение как способ обеспечения наступления ответственности. Ответственность это добровольные или вынужденные шаги субъекта права, которые должны привести к восстановлению существовавшего и нарушенного им морального или материального положения. В случае "мягкого" принуждения его объект также вынужден идти на какие-то шаги. Принужден он однако не для восстановления существовавшего положения, а для изменения не в свою пользу уже существующего или предполагаемого в будущем соотношения интересов.

Если международная ответственность делится на моральную и международно-правовую (т.е. политическую и материальную) - в зависимости от области, в которой она наступает, то "мягкое"

принуждение можно подразделить на моральное, правовое, политическое и материальное в зависимости от интересов объекта принуждения, которые субъект принуждения пытается представить другой стороне как более важные.

Деление принуждения на правовое, моральное и материальное означает таким образом следующее. Объект принуждения взвешивает свои интересы и уступает, если ему кажется, что эти его правовые, моральные и материальные интересы перевешивают. На другой чаше весов тоже находятся интересы либо подобного же плана (естественно, конечно, другие по содержанию), либо его общие интересы как члена международного сообщества. Таким образом подобное деление принуждения предлагается в зависимости от интересов, которые, якобы, являются более важными (может быть, на данном этапе они действительно более важны для объекта принуждения).

Приведем в качестве пояснения несколько примеров. В ряде ситуаций субъект права склонен к компромиссам и уступкам, не желая стать объектом обвинений морального плана. Например, выходя из переговоров, которые ведутся уже длительное время, государство поступает, видимо, вполне правомерно, реализуя свои суверенные права. Но это в ряде случаев не может защитить его от обвинений, что оно не способствует, например, выработке общеприемлемой правовой нормы, срывает всеобъемлющее урегулирование проблемы. Конечно, очевидно, что пределы такого морального воздействия (принуждения) ограничены*59.

Точно так же действует и механизм ограниченного материального принуждения, когда субъект права постоянно выбирает между опасностью упустить какие-то конкретные практические национальные интересы (экономические, финансовые, а может быть, даже и оборонные) и опасностью нанести ущерб своим общим интересам как члена международного сообщества.

Представим себе, однако, еще одну ситуацию. Государство участвует в переговорах, дает какие-то предварительные обещания, вынуждает других участников переговоров идти на определенные уступки с целью способствовать успешному завершению переговоров. Если после этого такое государство попытается выйти из подобных переговоров, его вполне могут обвинить в недобросовестном их ведении, что будет уже относиться, как представляется, к области использования механизма не моральных, а правовых отношений.

Говоря о правовом "мягком" принуждении, нельзя обойти вниманием следующую ситуацию. Нередки случаи, когда государство обвиняет другую сторону в нарушении международного права. Другое государство никак на это не реагирует, т.е. само не подтверждает своей вины (а соответственно и ответственности) или прямо заявляет, что его действия были правомерными. Коллективное обсуждение (например, в Совете Безопасности ООН, в Международном суде, других международных судебных органах) не приводит к констатации факта нарушения международного права, т.е. лишает возможности говорить не только о коллективном принуждении, но даже и о моральной ответственности. Не всегда в таких случаях обвинившее в нарушении права государство готово рассматривать дело в собственных судах, и даже если оно на это пошло и получило необходимое решение, не всегда предпринимает односторонние принудительные шаги для его обеспечения. Иными словами, возможна ситуация, когда факт вины не является общепризнанным и не подтверждается никакими даже односторонними мерами кроме первоначального заявления. В таких случаях существуют, очевидно, две возможности. Первая – это когда правонарушение все-таки имело место и оно международному сообществу просто не доказано.

Вторая - это когда обвинившее государство допустило необъективную оценку имевших место фактов. В последнем случае такое государство наносит лишь ущерб своему собственному политическому престижу. В первом же случае, мы, видимо, не всегда имеем право говорить о факте использования "мягкого" принуждения (но в принципе это также возможно). Действительно, если стороны сознают, как обстояло дело в реальности, то допустившая правонарушение сторона знает о наличии своей вины, и публичное обвинение в ее адрес несомненно является фактором по меньшей мере морального давления. Однако в результате наступает моральная ответственность, происходит какой-то сдвиг к восстановлению ранее существовавшего морального баланса. Однако при такой ситуации чаще всего необоснованно ожидать, что фактор морального давления может привести к смещению этого баланса в пользу пострадавшего государства по сравнению с существовавшим до правонарушения моментом. Если же в силу квалифицированного политического и правового расчета такое смещение баланса, в конечном итоге, все-таки имеет место, то это значит, что "мягкое" принуждение осуществить удалось. В вышеописанном случае использование факта нарушения международного права выступает не как самостоятельная область применения "мягкого" принуждения, а как лишь конкретный случай решения одной из международных проблем с использованием международно-правовых средств.

Говоря о "мягком" принуждении, нельзя забывать и следующий аспект проблемы. Если речь идет об уступках, о достижении компромисса, то в подавляющем большинстве случаев - это обоюдные уступки и обоюдный компромисс (договоренность в т.н. "пакете"- все более часто встречающаяся в современной дипломатической практике форма договоренности*60). Нереально пытаться принудить равного себе партнера пойти на уступки, не делая ему со своей стороны никаких шагов навстречу. Поскольку, очевидно, каждый участвующий в создании новых правовых норм юрист защищает интересы своего государства, ему предоставляется возможность при выработке компромисса найти вариант, предполагающий разницу в его пользу между обоюдными уступками. На первый взгляд, другая сторона не согласится на такие уступки своего контрагента, которые будут меньше ее собственных. На практике, однако, это почти никогда так не бывает. Во-первых, трудно представить себе ситуацию, когда взаимные уступки являются по характеру совершенно одинаковыми (симметричными). Почти всегда, получая что-то в одной области, уступаешь в другой, то есть имеет место определенная асимметрия уступок. Нередка ситуация, когда уступка конкретного характера соответствует уступке более общего, теоретического, перспективного характера с другой стороны (то есть имеет место асимметрия во времени). Одна из сторон в таком случае выигрывает что-то больше в краткосрочном плане, а другая надеется выиграть больше в долгосрочном. Несомненное преимущество и источник смещения баланса уступок в свою сторону - это инициативная позиция участника переговоров, стремящегося найти наименее болезненные варианты уступок со своей стороны, но, например, существенные в престижном плане для другой стороны. Использование возможностей долговременного прогноза несомненно способствует успешному нахождению такого варианта компромисса и такого варианта уступки для партнера по переговорам, который в настоящий момент представляется вполне приемлемым, но со временем весьма возможно (но не очевидно) обернется для другой стороны существенными потерями. Тут напрашивается немного вольная аналогия с шахматной игрой, когда один из соперников совершает ходы, пока не представляющие угрозы для партнера, но в конечном этапе ведущие к победе.

Вообще говоря, разработать более точный и более долговременный прогноз способны обычно те страны, которые обладают более крупным научным потенциалом, имеют более существенный опыт в области, являющейся предметом переговоров. Конечно, чаще всего это промышленно развитые страны, особено в случаях, когда переговоры касаются использования сложных технических средств. Вероятно, именно такая ситуация сложилась в переговорах по режиму морского дна за пределами национальной юрисдикции. Менее развитые страны, которые не имеют возможности привлекать к переговорам большое число специалистов и не имеют столь богатого опыта в промышленной или технической области, могут в такой ситуации попробовать как-то уравнять шансы, направив все силы на подготовку и сохранение наиболее квалифицированных экспертов в области техники переговоров, как правило, именно юристов.

Так как же с теоретической точки зрения понимать компромисс? Как совпадение воль государств или же как подчинение этих воль, или как их взаимную модификацию? От ответа на этот вопрос зависит и то, как вообще понимать процесс формирования международного права - как согласование воль государств путем соглашения и выработки "общей воли", совпадающей с исходными позициями государств*61, либо как совпадение лишь уже модифицированных первоначальных позиций и выработку чего-то нового, не предусмотренного ни одной из сторон (по крайней мере, не всеми сторонами) на первоначальном этапе согласования.

Практика подсказывает, что в ходе переговоров позиции государств как правило претерпевают определенные изменения. Каково же соотношение между конечным результатом и исходной позицией? Так ли уж существенна разница, чтобы можно было говорить о принципиальном, или хотя бы достаточно существенном изменении первоначальной воли? Нужно признать, что в практике международных переговоров встречаются случаи, когда государство изменяет в ходе переговоров свою позицию и в принципиальной мере, руководствуясь при этом, например, желанием побудить партнера по переговорам пойти на какую-то встречную уступку в другой области, либо просто поддавшись давлению. Иными словами, если понимать согласование воль буквально, то конечная договоренность может отличаться от первоначальных позиций сторон. Вместе с тем, нельзя не принять во внимание, что любые уступки все-таки не предполагают, что участник переговоров ухудшает свое положение, ничего не получая взамен. Как раз наоборот, уступки как правило предполагают желание достичь компромисса, то есть, изменив и ухудшив свою позицию (но только в приемлемых пределах), получить какое-то преимущество в другой области. Вообще говоря, предлагаемая теория "мягкого" принуждения и опирается на такой как бы двойственный характер компромисса. С одной стороны, участники переговоров исходят в первую очередь из своих коренных интересов, модифицируют свою позицию только в приемлемых для себя пределах и идут на уступки, получая какие-то уступки взамен. На первый взгляд может даже показаться, что тут нет никаких возможностей оказать воздействие на позицию другой стороны в такой мере, чтобы это привело к значительным результатам. С другой стороны, нельзя не учесть и то, что уступки при достижении компромисса носят как правило асимметричный характер, и даже если совпадают буквально, все равно в силу различных условий в каждом из государств-участников переговоров они в конечном итоге приводят к хотя, может быть, и сопоставимым, но все-таки разным последствиям. На возможности более точно подсчитать эти последствия, либо на возможности незначительно и, казалось бы, в приемлемых для партнера по переговорам рамках

повлиять на его позицию и заключается возможность "мягкого принуждения". Таким образом, международное право воспринимается его субъектами как продукт только согласования их воль или если и изменения их, то только в приемлемых рамках, т.е. все равно именно согласования воли, пусть несколько и отличающейся от исходной. Объективно же при таком внешне незначительном изменении может закладываться (и обычно закладывается) основа для того, чтобы через некоторое время поставить какое-то государство на базе им же сегодня признаваемой позиции в более невыгодное положение, заставить его постепенно добровольно согласиться с каким-то ущемлением его собственных интересов. Субъективно государства воспринимают процесс формирования норм международного права как согласование их суверенных воль в той части, в которой они совпадают между собой, а объективно результат соглашения может нести в себе зерно, подрывающее в чем-то некоторые из исходных позиций*.

Рассмотрим теперь, как соотносятся между собой "мягкое" принуждение и "мягкое" право. Последнее - это не так уже редко используемое среди юристов и изучаемое понятие. Когда говорят о нем, то обычно имеют в виду международную дипломатическую работу, в результате которой вырабатываются решения, нередко документально зафиксированные, имеющие форму международных договоренностей, но юридически субъектов международного права не связывающие. Наиболее типичный пример "мягкого" права - это резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. Хотя Устав ООН предусматривает возможность обеспечения реализации принятых решений, в частности, Советом Безопасности, тем не менее этого явно недостаточно*63. Нередко высказывается мнение, что некоторые резолюции ООН подлежат неукоснительному соблюдению, например, резолюция ГА ООН от 14 декабря 1960г. о предоставлении независимости колониальным странам и народам, утвердившая международно-правовой принцип ликвидации колониализма*64, хотя, как представляется, этот приведенный случай как раз хорошо иллюстрирует возможности именно "мягкого" принуждения.

Наверное, можно встретить точку зрения, что к такому "мягкому" праву можно отнести и решения международных судебных органов. "Мягкое" право именно потому, видимо, получило название "мягкого", что оно имеет форму правовых документов, и при этом связывает субъектов международных правоотношений, но иначе, чем, например, договорная норма. Имеется в виду, что принимаемая, скажем, резолюция ООН по какому-то вопросу, частью государств поддержана не была, но тем не менее она как бы отражает мнение большинства. Таким образом, возникает фактор морального давления на меньшинство, происходящий из необходимости считаться с мнением большинства*65. В результате можно ожидать, что в дальнейшем при принятии других решений по данному вопросу - как таких же юридически необязательных, как и предыдущее, так и юридически обязательных, члены группы меньшинства, считаясь с давлением, постепенно будут соглашаться с предлагаемым решением. В идеальном случае, когда такое юридически необязывающее решение поддержано всеми членами международного сообщества, можно считать, что цель давления достигнута и можно оформлять это решение как соглашение. Существует даже мнение, что уже сам факт единогласного волеизъявления свидетельствует о возникновении нормы права или подтверждает ее существование*66.

Что же касается "мягкого" принуждения - под этим понятием в данной работе имеется в виду способ дипломатического воздействия с использованием в основном правовых средств на развитие международных отношений (хотя такое воздействие может оказываться и не только в

дипломатической форме). Под это определение несомненно попадает и "мягкое" право. Представляется вполне очевидным, что говоря о "мягком" праве, мы рассматриваем одну из форм "мягкого" принуждения. В этом смысле формой "мягкого" принуждения можно рассматривать и решения международных судебных органов в той части, в которой они являются способом дипломатического косвенного воздействия на международные отношения.

Нужно ли вообще создавать самостоятельную категорию, именуемую "мягким" правом? Это понятие, конечно, отражает объективные явления международной жизни, которые являются одной из разновидностей дипломатии, имеющей своей спецификой, во-первых, использование правовых средств и, во-вторых, фактор морального давления. Но этой же спецификой обладает и более широкое понятие - "мягкое" принуждение. Является ли вообще "мягкое" право правом? Наверное, их объединяет лишь чисто внешняя сторона, только то, что решения, относимые к "мягкому" праву, имеют форму, близкую к форме международных соглашений. Дает ли основания выделение этого явления чисто по внешнему признаку рассматривать его как самостоятельную категорию? Во-первых, оно ведет к опасности терминологической путаницы и к искажению понятия "право". Во-вторых, основной смысл этой категории, как представляется, в том, что право определяется именно как "мягкое", что подчеркивает специфику его воздействия на международные отношения. Однако, если дело только в специфике воздействия, то к ней следует, как явствует из вышеприведенного анализа, отнести гораздо более широкий набор средств и методов. То, что юридически необязательные решения приобретают форму международных документов - это несомненно существующая реальность. Однако, так ли уж существенна эта сторона вопроса? Ведь в ходе, например, многих дипломатических конференций, в работе международных организаций, в частности, Комиссии международного права, вырабатываются промежуточные документы, имеющие форму проекта договора и в дальнейшем дорабатываемые и модифицируемые с учетом высказанных поправок и замечаний. Такие поправки и замечания также являются отражением воли части субъектов права, участвующих в подобной дипломатической работе, и если поправки принимаются, то значит, они отражают общее мнение или мнение большинства. По существу, факт формального голосования является одной из форм выявления мнения, пользующегося наибольшей поддержкой. По сути дела, вся разница между такой повседневной дипломатической работой и работой, например, ООН заключается с рассматриваемой точки зрения лишь в факте особого политического формального подчеркивания промежуточных результатов.

В работе [1] Конференции ООН по морскому праву существовала целая группа документов, которые являлись проектами будущей конвенции на различных стадиях согласования. Все эти проекты имели свои названия, свои официальные номера, содержали текст, который по форме вполне мог стать частью международного соглашения. Конечно, резолюции крупных международных организаций, таких, как ООН, есть особый продукт многосторонней дипломатии. Тем не менее, надо признать, что при ближайшем рассмотрении некоторые его специфические черты носят скорее формальный, чем существенный характер.

Все вышесказанное, конечно, не означает, что "мягкое" право нельзя выделять в самостоятельную категорию. Вполне вероятно, что она может быть использована в каких-то теоретических и практических целях, в частности, например, и применительно к международному праву окружающей среды*67. В настоящем исследовании, однако, удалось, как представляется, выявить, что эта категория выделяется из более

общего явления лишь по формальному признаку, что, конечно, не может иметь существенной практической пользы в данном конкретном случае.

Для того, чтобы техника "мягкого" принуждения могла быть действительно эффективно использована, необходимо наличие еще одного существенного условия - использование механизма долгосрочного прогнозирования. Как уже отмечалось, "мягкое" принуждение результативно лишь тогда, когда другие участники переговоров не столь ясно представляют себе перспективные результаты того или иного решения. Хотя такая ситуация в принципе может возникнуть на любой стадии переговоров, надо однако отметить, что наиболее благоприятные возможности чаще встречаются скорее на ранних стадиях решения конкретных международных проблем, и более редко - при формальном окончательном описании этих проблем (т.е. на этапе завершения разработки текстов договоренностей). В сущности, это достаточно легко объяснимо - на ранней стадии перспективы развития международных отношений затрагиваются чаще всего в такой форме, что это воздействие не является абсолютно очевидным для каждого. В этом смысле, конечно, работа юриста, занимающегося на такой завершающей стадии поисками правовых формул, точно отражающих совпадающую и уже в принципе согласованную волю государств, также в некоторых случаях может существенно повлиять на решение каких-то перспективных вопросов, прямо не связанных с предметом переговоров, хотя скорее можно ожидать действительно эффективных результатов подобного рода на ранних стадиях переговоров, когда позиции сторон еще не так ясно определились. Из этого следуют два важных вывода: во-первых, как можно раньше вступать в переговоры, касающиеся перспективных проблем. Во-вторых, не рассчитывать, что с помощью методов "мягкого" принуждения можно достаточно успешно решать проблемы, которые уже вполне ясно сформировались (например, те, которые касаются разоружения, недопущения выхода гонки вооружений в космос и т.д.). В этих случаях придется, видимо, полагаться для проведения своей линии в большей мере на иные рычаги - опирающиеся на степень собственного экономического и военного развития, предполагающие политические решения "в пакете" и др.

Использование "мягкого" принуждения опирается и еще на один фактор - на личную квалификацию специалистов, непосредственно ведущих переговоры. Речь идет при этом не только об их квалификации как юристов. Для правильного долгосрочного расчета необходимо, видимо, хорошее знание еще, по крайней мере, и общих международных политических и экономических проблем, высокая личная активность и инициативность. Видимо, в морском праве можно найти достаточно убедительные примеры возможностей "мягкого" принуждения. Если взять Конвенцию ООН по морскому праву, то практически по каждому существенному вопросу - установлению экономических зон, определению внешних пределов континентального шельфа, ширины территориального моря, режима проливов - были государства, выступавшие с позиций, несовпадавших с подходом большинства. В конечном итоге, однако, Конвенцию не подписали лишь несколько государств, в частности, США, Великобритания, ФРГ - в связи с положениями ее части XI, Венесуэла - в связи с решением вопроса о разграничении морских пространств, Израиль - в связи с вопросом о национально-освободительных движениях и т.д. Другие же государства предпочли пойти по пути определенных уступок, не рискуя, во-первых, выступать в целом вопреки мнению международного сообщества и отказываться от участия в III Конференции ООН по морскому праву, и во-вторых, рассчитывая получить для себя какие-то преимущества в других вопросах, регулируемых Конвенцией, и даже просто желая способствовать установлению общего

правопорядка на морях.

Вышесказанное еще раз подтверждает тезис о том, что переговоры должны быть не только универсальными и преемственными (continuous), но и профессиональными*68.

Нельзя сбрасывать со счетов и тот фактор, что, вообще говоря, Мировой океан далеко не так хорошо исследован и не так интенсивно используется, как суша, чтобы можно было с уверенность сказать, какие конкретные практические преимущества завтрашнего дня мы теряем, когда сегодня соглашаемся на те или иные компромиссы. Можно, видимо, с достаточной степенью уверенности предположить, что если бы перед началом Конференции ее будущие участники знали, на какие уступки им придется пойти при заключении Конвенции, они вряд ли бы согласились на ее выработку. Кстати сказать, в начале конференции достаточно серьезно стоял вопрос о возможности выработки в принципе какого-то обобщенного рабочего проекта. В результате далеко не сразу удалось составить неофициальный сводный текст для переговоров.

Выше были рассмотрены способы воздействия на развитие международных отношений с помощью международно-правовых средств. Это, однако, позволило лишь косвенно оценить реальные возможности такого воздействия и в принципе установить, что такое воздействие возможно. Очевидно, что эти возможности не беспредельны и не могут изменить тех элементов позиций государств, которые прямо зависят от соотношения уровней развития производительных сил и производственных отношений. Тем не менее, речь может идти о достаточно крупных уступках в области политических, экономических и военных интересов, о принципах, например, использования Мирового океана и его ресурсов.

Если обобщить вышеприведенные соображения о роли международно-правовых средств в формировании международных позиций государств, то сложится следующая картина.

Работа юриста-международника с теоретической точки зрения (но далеко не всегда на практике) имеет двоякий, принципиально различный характер. В тех случаях, когда позиции государств совпали, в его функцию входит правильно оформить эту ситуацию с точки зрения договорного права, подбора применимых прецедентов, согласования с уже существующим правовым регулированием в этой области. Возможности существенного влияния на ход международных событий при выполнении именно этой функции невелики. Однако международное право постоянно развивается и совершенствуется. В ходе этого процесса можно в долговременном плане уже более существенно повлиять на позиции других государств, используя технику "мягкого" принуждения. В качестве необходимых для этого предпосылок выступают правильный всесторонний прогноз развития ситуации на перспективу и принципиальная возможность последовательно, но постепенно склонять государство в течение длительного периода времени к разумным в каждом отдельном случае уступкам и компромиссам, оправдываемым, может быть, скорее соображениями моральной, чем юридической природы и возможным в принципе в силу особой специфики лежащих на чаше весов интересов, между которыми государству приходится постоянно делать выбор. Немаловажно и то, что возможности "мягкого" принуждения особенно велики на самых ранних стадиях обсуждения проблем, когда они еще не обрели ясных очертаний. Особенно благоприятные тут возможности открываются именно для юриста в силу значительного абстрактного элемента, присущего правовым принципам и нормам и их нередко сложной для восприятия форме. На практике этот путь, насколько автор способен судить по своему опыту, может оказаться подчас довольно эффективным. Нужно при этом, однако, быть готовым к тому, что реальные результаты проявятся далеко не сразу, возможно,

лишь через годы или даже десятки лет.

В результате вышеприведенного анализа была выделена двоякая природа использования средств международного права. Решая правовые аспекты международных проблем, юристы одновременно решают две принципиально различные задачи. В той мере, в которой позиции сторон достаточно ясно определились и совпали, задача юриста заключается в правильном договорном оформлении этого согласия, в нахождении соответствующего места будущей договоренности в уже сложившейся и существующей системе международного права. Иными словами, речь идет о выполнении функции юридического оформления. В той же мере, в которой позиции сторон не совпадают или пока ясно официально не определились, работа юриста приобретает иной характер. Он, опираясь на свой долгосрочный прогноз развития ситуации, ведет линию "мягкого" принуждения, предопределяя наиболее благоприятное для своей стороны развитие событий, воздействуя на подход другой стороны таким образом, чтобы в дальнейшем позиции обеих сторон могли бы быть сближены, а предложенный компромисс в наибольшей мере отвечал бы интересам его государства.

1 Правда, 1982, 16 июня.
2 Курс международного права (в семи томах). Том 1. Понятие, система и предмет международного права. М., "Наука", 1989, с. 184-189.
3 Для целей данного исследования представляется несущественным проводить различие между договорами-сделками и нормоустанавливающими договорами. см.: Тункин Г.И. Теория международного права. - М.: Международные отношения, 1970, с. 102-108.
4 Хотя, например, СССР на определенном этапе и не соглашался с правомерностью таких зон, тем не менее со временем и эта позиция изменилась.
5 См.: Вступительная статья Г.И. Тункина к: Аречага Э.Х. де. Современное международное право. М.: Прогресс, 1983, с. 10-12.
6 Конечно, по этой проблеме существуют и иные точки зрения. Например, Стенли Хоффман, профессор Гарвардского университета, считает, что далеко не все нормы международного права возникли в результате добровольного принятия государствами на себя обязательств, и далеко не все нормы международного права, являющиеся продуктом добровольного согласия сторон, соответствуют требованиям международной морали. Hoffmann S. Ethics and Rules of the Game Between the Superpowers - in: Right v. Might. International Law and the Use of Force. N.Y., L., 1989, p. 72-76.
7 Мингазов Л.Х. Социальная ценность международного права. СЕМП. 1984. М., 1986, с. 73.
8 Тункин Г.И. Мирное сосуществование и международное право. Советское государство и право. 1956г., No.7, С. 5. McWhinney E. "Peaceful Coexisence" and Soviet-Westen International Law", Leyden, 1964, p. 46. Ramundo B. The Socialist Theory of International Law, Wash., 1964, p. 57.
9 Тункин Г.И. Теория... Указ. соч., с. 314.
10 Там же, с. 315.
11 Там же, с. 316.
12 Там же, с. 316.
13 Там же, с. 316-320.
14 Там же, с. 315.
15 Там же, с. 315.
16 Там же, с. 321.
17 Там же, с. 330-341.

5 4118

18 Там же, с. 333. Corbett P. Law in Diplomacy. Princeton, 1959, p.101.
19 Рыбаков Ю.М. Правовые аспекты обеспечения ВСМБ и развитие международного сотрудничества - в кн.: Всеобъемлющая система международной безопасности и международное право. М., 1987 г., с. 5.
20 Тункин Г.И. Право и сила в международной системе. - М.: Международные отношения, 1983, с. 95.
21 Но означает ли это, что их необходимо соблюдать любой ценой?
22 Аречага Э.Х.де. Указ. соч., с. 111.
23 Henkin L. How Nations Behave. Law and Foreign Policy. Columbia University Press, N.Y., 1979, p. 124, 128.
24 Вполне справедливым представляется замечание, что при толковании и применении норм международного права государства нередко склонны исходить только из своих собственных интересов, а не из согласованных целей. Марочкин С.Ю. Вопросы эффективности норм международного права. СЕМП, 1988г., М., Наука, 1989, с. 12.
25 Аречага Э.Х.де. Указ. соч., с. 406-413.
26 Friedmann W. Nouveaux aspects du droit international. P., 1971, p. 190. Holsti K.J. International politics: A framework for analisis. New Jersey, 1967, p. 389, 408. Levi W. Contemporary international law: A concise introduction. Colorado, 1979, p. 343.
27 Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. London, The Gresham Press, 1979, pp. 127-128.
28 См., например: McDougal M. & Associates. Studies in World Public Order. Yale University Press, 1960, ch. 1.
29 Достаточно интересные соображения по технике ведения переговоров и поиска компромиссов высказываются, например, известными американскими учеными из Стэнфордского университета Г.А.Грейгом и А.Л.Джорджем: Craig G.A., George A.L. Force and Statecraft. Diplomatic Problems of Our Time. N.Y., Oxford, Oxford University Press, 1983, pp. 157-171.
30 Lee, Roy S. Multileteral Treaty-Making and Negotiation Techniques: An Appraisal. - Contemprorary Problems of International Law: Essays in Honour of Georg Schwarzenberger on his eightieth birthday. Edited by Bin Cheng and E.D.Brown. London, Stevens & Sons Limited. 1988, p. 157.
31 Тункин Г.И. Теория... Указ. соч., с. 24-40. См. также: Scheffer D.J. Introduction: the Great Debate of the 1980s, in: Right v. Might. International Law and the Use of Force. Council on Foreign Relations Press. New York, London, 1989, p. 3.
32 Моллерсон Р.А. Роль и возможности международного права в создании ВСМБ - в кн.: Всеобъемлющая система международной безопасности и международное право. М., 1987 г., с. 8-9. Рыбаков Ю.М. Указ. соч., с. 5-6. Ушаков Н.А. ВСМБ и прогрессивное развитие международного права. - в кн.: Всеобъемлющая система международной безопасности и международное право. М., 1987 г., с. 15.
33 Henkin L. Op. cit., pp. 138-139.
34 Lee, Roy S. op. cit. pp. 159-163.
35 В данном случае принуждение понимается как система мер, направленных на поддержание международного правопорядка и защиту прав отдельных государств. См.: Василенко В.А. Международно-правовые санкции. Киев, 1982, с. 31.
36 Аречага Э.Х.де. Указ. соч., с. 264-265.
37 Тункин Г.И. Право..., Указ. соч., с. 27.
38 Аречага Э.Х.де. Указ. соч., с. 177-212.
39 Тункин Г.И. Право... Указ. соч., с. 27-28.
40 McDougal M., Feliciano F. Law and Minimum World Public Order.

Yale University Press, 1961, pp. 28-31.
41 Austin J. The Province of Jurisprudence Determined. London, Weidenfeld & Nicolson, 1954, lecture VI.
42 Известия, 1988, 8 декабря.
43 Morgenthau H.J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. N.Y., Alfred A. Knopf, 1950. Thompson K. Political Realism and the Crisis of World Politics. Princeton, 1960. Schwarzenberger G. Power Politics. L., 1964. Aron R. Politics and History. L., 1978. Waltz K. Theory of International Politics, Reading. Massachusetts, 1977. Bzezinski Z. American Foreign Policy in a Rapidly Changing World. - The Atlantic Community, v. 17, N 1, 1979.
44 Aron R. Paix et guerre entre les nations. P., 1962, pp. 704, 709-710. Stoessinger J. The Might of Nations. N.Y., 1967, p. 240. Levi W. Law and Politics in the International Society. L., 1976, p.
52. Morgenthau H.J. Op. cit., p. 209-242. Kennan G. American Diplomacy 1900-1950. Chi., 1951, p. 98. Schwarzenberger G. Power Politics. L.,1964, p. 199.
45 McDougal M. International Law, Power and Policy. - Recuel des cours de l'Academie de droit international, v.82 (1953), p. 169. McDougal M., Feliciano F. Op. cit., p. 7. Falk R. The Role of Law in World Society: Present Crisis and Future Prospects.- In: Toward World Order and Human Dignity. Essayes in Honor of M. McDougal. N.Y. 1976, p.150. Barkun M. International Norms as Facts and Ideals. ASIL. Proceedings of the 66th Annual Meeting, 1972, p. 41.
46 Это касается, например, обвинений в адрес Советского Союза в том, что в первые годы своего существования он отказался вообще признать действовавшее тогда международное право. Тункин Г.И. 40 лет Великой Победы и международное право - Советский ежегодник международного права, 1984, М., Наука, 1986, с. 13.
47 Мингазов Л.Х. Указ. соч., с. 64-71.
48 Bull H. Op. cit., pp. 180-181. Henkin L. Op. cit., p. 32.
49 Lee, Roy S. op. cit. pp. 170. Cheng B. The United Nations and Outer Space - 14 Current Legal Problems (1961), p. 247. Lee Roy S. and Jasentuliana N. Manual on Space Law, Vol.111 (1981), pp. xxii-xxiii.
50 Caminos H. and Molitar M.R. Progressive Development of International Law and the Package Deal - 79 AJIL (1985).p. 871. Buzan B. Negotiating by Consensus: Developments in Techniques at the United Nations Conference on the Law of the Sea - 75 AJIL (1981), p. 324.
51 Тинберген Я. Пересмотр международного правопорядка. М.: Прогресс, 1980, с. 131-132.
52 Там же, с. 136-137.
53 Holsti K.J. Op. cit., p. 389, 408.
54 Тинберген Я. Указ. соч., с. 138-141.
55 Henkin L. Op. cit., pp. 44-45, 50, 71.
56 К сожалению, и процедура консенсуса также подчас не обеспечивает принятия справедливых решений - в тех случаях, когда необходимо позитивное выражение согласия, а не просто отсутствие возражения. См., например: Bull H. Op. cit., pp. 156-160.
57 Lee, Roy S. op. cit., p. 166. См. также: Касьян Н.Ф. Консенсус в современных международных отношениях. М., Международные отношения, 1983.
58 Bull H. Op. cit., pp. 159-166.
59 Morgenthau H.J. Op. cit., pp. 174-196, 197-206. См. также: Трофимов В.Н. Основные глобальные проблемы современности и

международное право - XXVII съезд КПСС и правовые проблемы международной безопасности и разоружения. Сборник научных трудов под редакцией Г.П. Задорожного. МГИМО МИД СССР, М., 1987, с. 32, 48.

60 Lee, Roy S. op. cit., p.159, 169-176. Тинберген Я. Указ. соч., с. 222-224.

61 Хайд Ч. Международное право, т.1, ИЛ, 1950, с. 59. Rousseau Ch. Droit international public, P., 1953, p. 11. Triepel H. Volkerrecht und Landesrecht, Leipzig, 1889, S. 32. Heffter A.W. Das europaische Volkerrecht der Gegenwart, B., 1867, S. 4. Seferiades S. Apercu sur la coutume juridique internationale et notamment sur son fondement, <<RGDIP>>, 1936, p.145. Heller, Die Souveranitat, B., 1927, SS. 122-124. Anzilotti D. Corso di diritto internazionale, v.I, Roma, 1928, pp. 43, 63, 64 et seq. Perassi T. Teoria dommatica delle fonti di norme giuridiche in diritto internazionale, <<RDI>>, 1917, p. 290. Giuliano M. La comunita internazionale e il diritto, Padova-Cedam, 1950, p. 81. Strupp K. Regles generales du droit de la paix, <<RdC>>, v. 47 (1934), p. 301.

62 Для сравнения см: Тункин Г.И. Теория... Указ. соч., 1970, с. 231-245.

63 Блищенко И.П. На пути к созданию нового международного правопорядка. Советское государство и право, No.4, 1989г., с. 113.

64 Там же.

65 Такой подход перекликается, видимо, с точкой зрения, что рекомендации международной организации являются в первую очередь дипломатическим инструментом. См., например: Virally M. L'Organisation mondiale. P., 1972, p. 187.

66 См.: Castaneda J. Legal Effects of United Nations Resolutions. 1969, p. 171.

67 Тимошенко А.С. Экологическая безопасность и международное право. СЕМП, 1988, М., Наука, 1989, с. 26-27.

68 F. de Callieres. On the Manner of Negotiating with Princes. Trans. A.F. Whyte, University of Notre Dame Press, 1963, p. 9.

Глава II. Непосредственные причины возникновения опасных ситуаций

1. Возможности достичь соглашения в случаях совпадения или несовпадения позиций сторон

Как уже указывалось, при оценке возможностей заключения международного договора можно столкнуться с двумя видами ситуаций - когда позиции сторон совпадают и когда они не совпадают. Соответственно, в каждом из этих случаев проявляется двоякий характер использования правовых средств. Это деление имеет, как мы увидим, прямое отношение к способам решения проблем, связанных с сохранением мира и с обеспечением охраны окружающей среды.

Действительно, если возникает угроза существованию самой цивилизации, то можно с уверенностью утверждать, что все государства придерживаются при этом единой позиции - предотвратить ее. Причем если угроза достаточно серьезная, то речь пойдет об использовании всех и любых средств для ее предотвращения. Именно характер глобальной угрозы и приобрели две рассматриваемые проблемы - обеспечения военной и экологической безопасности. Если возникает угроза военной или экологической катастрофы, то все государства предпримут все от них зависящее, чтобы не допустить их.

Государства занимают единые позиции не только в связи с опасностью глобальной катастрофы и уничтожения всего человечества. На примере проблем охраны окружающей среды очень ясно видно, что к категории нежелательных ситуаций, предотвратить которые стремятся все государства (т.е. позиции сторон совпадают) относятся практически все более или менее крупные аварии. Такие нежелательные ситуации, конечно, авариями не исчерпываются. Во многих других случаях, однако, грань между совпадающими и несовпадающими позициями государств может становиться более расплывчатой и неопределенной. Еще более неясна эта грань в ситуациях, касающихся военной безопасности. Дело тут, как представляется, заключается в следующем.

Каждое государство при решении конкретно стоящих перед ними задач, касающихся, в частности, вопросов военной и экологической безопасности, взвешивает с одной стороны свои общеглобальные, а с другой стороны, конкретные прагматические интересы. Это означает, что если государство при изучении какой-либо своей планируемой акции приходит к выводу, что она в качестве своего глобального последствия может привести к всемирной катастрофе, то такая акция, естественно, осуществляться не будет. В этом случае глобальные интересы решительно перевешивают все прочие возможные и предполагаемые конкретные выгоды.

Несколько иная ситуация возникает, если, по мнению государства, планируемые им шаги не угрожают катастрофическими последствиями. В таком случае делается, вероятно, оценка степени серьезности угрозы, которая может возникнуть. Например, решается вопрос об оборудовании судов для перевозки грузов, способных создать угрозу окружающей среде (ядовитые, радиоактивные вещества, нефть и т.д.). Ясно, что непредвиденная авария может произойти с судном, оборудованным сколь угодно хорошо (известно немало случаев, когда гибли самые "непотопляемые" суда). В таком случае возникает вопрос, сколь велик шанс аварии и сколь велик будет ущерб в случае загрязнения морской среды. Можно предположить, какой логикой могут руководствоваться политики и специалисты при оценке подобных ситуаций. Если речь идет, например, о танкере с большим водоизмещением, то очевидно, что риск

аварии достаточно велик. Более того, разлив нефти, как показали аварии с "Амоко Кадис" и другими танкерами*1, не только загрязняет огромные пространства моря и наносит необычайно высокий экономический ущерб, но и чреват серьезными политическими последствиями, ущербом для политического престижа государства. В таком случае государство будет вполне готово пойти на заключение международного соглашения, которое регулировало бы размеры ответственности, предусматривало бы определенные стандарты и требования, тем самым одновременно выступая как бы в роли формального оправдания в случае аварии - все международные требования соблюдены, значит, нельзя винить страну в небрежности, в пренебрежении интересами других государств. Более того, если при формировании такой позиции страна придет к выводу, что аварии могут произойти (или уже происходили) с чужими судами у ее берегов, то это только прибавит ей решимости бороться за заключение соответствующего международного соглашения, причем регулирующего достаточно жестко данную проблему (например, авария в Клайпедском порту в 1981 году).

Близкими будут позиции государств и по такой, к примеру, проблеме, как безопасное обращение с ядерным материалом. Опасные и обширные последствия ядерных аварий, весьма широкий общественный резонанс на них не оставляют места для каких-либо сомнений, какую линию проводить в этом вопросе. Об этом свидетельствуют Конвенция о физической защите ядерного материала 1980 г., Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии 1986 г. и Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации 1986 г. В этом смысле показательна также предложенная Советским Союзом в МАГАТЭ (естественно, уже после событий в Чернобыле) программа создания международного режима безопасного развития ядерной энергетики*2 (к этой же группе соглашений следует отнести и Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963г.). Обсуждение конвенций 1986 г. может быть хорошей иллюстрацией к рассматриваемому вопросу. С одной стороны, чернобыльская авария со всей очевидностью показала реальную возможность возникновения подобных опасных ситуаций, сразу изменив соотношение в понимании, какой риск еще можно считать приемлемым, а какой уже нет. Обе конвенции удалось разработать и принять в рекордные для документов такого типа сроки. Все те положения, по которым мнения участвовавших в конференции государств совпадали, удалось согласовать достаточно быстро. Однако даже несмотря на то, что чрезвычайная ситуация требовала принятия, казалось бы, максимально возможных мер защиты, тем не менее по некоторым вопросам согласие так и не было достигнуто. Надо полагать, что эти вопросы как раз и касались тех самых областей, в которых некоторые из участвовавших в конференции государств допускали возможность "разумного" риска (вполне возможно, что такое допущение и является вполне обоснованным даже вопреки широкому общественному мнению). Например, в конвенциях не нашел должного отражения вопрос об оповещении в случае аварий с ядерным оружием, и компромиссные формулировки на этот счет вряд ли оправданно расматривать как окончательно его разрешающие, хотя советская делегация и заявила о своей готовности оповещать о всех случаях ядерных аварий*3. Не разработано также пока в рамках Конференции по разоружению и соглашение о недопустимости нападения на ядерные установки.

Достаточно единую позицию занимает значительная группа стран и по ряду вопросов военной безопасности. Тут можно привести целую группу международных соглашений - о нераспространении ядерного оружия, о мирном использовании космического пространства, о сокращении

вооружений и многие другие. Мотивы, побуждающие государства занимать сходные позиции, не всегда одинаковы. Наиболее очевидный мотив - это предотвращение военных конфликтов. Можно, однако, предположить, что нередко в качестве важного мотива выступает желание укрепить на международной арене свой политический авторитет, снизить накал критики за проведение милитаристского курса. Вероятно, в какой-то мере это может касаться вопросов сокращения некоторых видов вооружений, когда реально вряд ли можно высоко оценивать вероятность возникновения вооруженного конфликта между заинтересованными сторонами, тем более когда разоружение охватывает лишь отдельные виды боевых средств в их военных арсеналах.

Выше описаны некоторые из ситуаций, которые в силу тех или иных, но относительно близких причин достаточно обширные группы государств или некоторые государства хотели бы предотвратить, или некоторые из целей, которые они желали бы достичь. Тем не менее далеко не всегда государства едины в подходе к ситуациям, касающимся рассматриваемых проблем обеспечения мира и охраны окружающей среды.

Действительно, практически любое производство, сколь угодно совершенное, сопровождается каким-то вредным воздействием на окружающую среду, допустимым или недопустимым в соответствии с установленными требованиями. Практически нельзя предусмотреть и гарантий того, что та или иная авария, сопровождающаяся опасными для окружающей среды последствиями, не случится. Видимо, нет нужды проводить фактический материал в подтверждение этого утверждения - история человечества за последние несколько десятилетий изобилует роковыми случайностями, которые по расчетам были практически невозможны. Немало и таких случаев, когда было достаточно оснований предполагать, что та или иная деятельность может привести к опасному повышению уровня загрязнения окружающей среды. Тем не менее такая деятельность осуществлялась, а ее негативные последствия, несмотря, казалось бы, на их очевидную опасность, тем не менее не были вовремя предотвращены.

Что касается военной безопасности, то и в этой области мы являемся свидетелями целого ряда вооруженных конфликтов*4, случаев использования силы или угрозы применением силы, беспрецедентного наращивания вооружений, разработки новых крайне опасных средств ведения боевых действий, расширения круга стран, владеющих новыми видами вооружений, в том числе и оружием массового уничтожения. Нередко высказывается мнение, что применение силы уже изначально заложено в современных моделях глобальной международной системы*5.

2. "Разумный" риск и "приемлемый" ущерб

Что же лежит в основе мотивов, которыми руководствуются те или иные государства, занимая позицию, ведущую в конечном итоге к опасным последствиям? Надо признать, что взвешивая все "за" и "против" перед принятием какого-то решения, соответствующие государственные деятели предполагают, что общие опасные последствия не должны наступить, либо что они будут столь незначительны или наступят в столь отдаленном будущем, что ущерб окажется достаточно меньше тех конкретных преимуществ, которых предполагалось добиться. Если достаточно заблаговременно до возникновения опасной военной или экологической ситуации можно было бы выяснить мнение о ней соответствующих лиц, ответственных за принятие государственных решений, то, наверное, никто из них не высказался бы за вооруженный

конфликт или за нанесение ущерба окружающей среде, чреватые глобальными опасными последствиями. Тем не менее, опасность возникновения таких ситуаций время от времени появляется. Видимо, основная причина этого - серьезный просчет в прогнозировании последствий планируемых шагов*6.

Для целей данного исследования, касающегося возможностей использования средств международного права для предотвращения глобально опасных и ограниченно опасных ситуаций, важен сам факт, что на определенном этапе государство может осознанно придерживаться курса, способного в дальнейшем привести к последствиям, которых оно не желало. Только на том этапе, когда такие последствия становятся очевидными, стороны, которых они касаются, занимают единую позицию, направленную на их предотвращение. До того же момента, когда ситуация становится очевидной, некоторые или все государства, которых эта ситуация касается, вполне осознанно ведут линию, которая в дальнейшем вопреки их воле в конечном итоге приводит или может привести к неблагоприятным последствиям. В этой связи представляется уместным привести подсчеты института Брунингса, согласно которым с 1946 по 1975 г. США использовали свои вооруженные силы в политических целях в 215 случаях, а угрозу применения ядерного оружия - в 19 случаях*7.

Что же лежит в основе возможности того, что отдельные государства проводят такой опасный курс? Видимо, причина заключается в том, что такие государства в принципе допускают возможность ограниченного ущерба экологической и военной безопасности или считают возможным существование ситуации, предполагающей "разумный" риск перерастания ее в опасную. По существу речь идет о существовании морали государств и ее политических лидеров, которая не совпадает с общечеловеческой моралью*8. Можно пояснить, что это означает на практике. Понятно, что увеличение запасов вооружений, разработка все более сложного и эффективного оружия несомненно предполагает какое-то увеличение риска возникновения, например, случайного его применения. Другой вопрос, сколь велик этот риск. С момента изобретения ядерного оружия бывали даже ситуации, когда самолеты теряли такое оружие, происходили аварии с носителями ядерных боеголовок и т.д*9. Но насколько известно, ни разу не имел места случайный ядерный взрыв боевых средств. Сколь же велик и приемлем ли риск такого случайного взрыва? Другой пример: даже за последние десятилетия человечество не раз становилось свидетелем фактов применения силы и возникновения военных конфликтов. Можно предполагать, что все случаи применения силы были результатом преднамеренного государственного курса и по крайней мере часть государств была готова участвовать в вооруженном конфликте. Думается, что тут речь также идет об "ограниченном" ущербе и"разумном" риске, т.к. такие государства не предполагали, очевидно, что существует реальный шанс создать угрозу для безопасности всего человечества или даже угрозу только их собственному существованию.

В области охраны окружающей среды примеры, по существу, тождественные. Многие государства создают у себя ядерные электростанции, причем достаточно часто в густонаселенных районах. Понятно, что теоретически сколь ни мал шанс аварии, но он будет существовать в любом случае. Значит, государство предполагает, что оно идет на разумный риск, если считает, что такой шанс действительно настолько мал, что им можно пренебречь. Точно так же какой-то ущерб окружающей среде наносит практически любое промышленное производство. Размеры ущерба в принципе известны в каждом таком случае. Другое дело, что опять-таки никто не сможет

дать стопроцентную гарантию, что такие внешне безвредные последствия не смогут в какой-нибудь невероятной комбинации или в каком-то непредвиденном направлении и в течение значительного периода времени привести к серьезно опасным последствиям. Тут речь идет о "приемлемом", "ограниченном" ущербе. За примерами также не надо ходить далеко. Всем известны последствия применения ДДТ, возникновение кислотных дождей, разрушение озонового слоя в результате использования определенных химических веществ и т.д.

Роберт Гилпин выдвинул пять положений, лежащих, по его мнению, в основе изменения или сохранения международной ситуации: международная система стабильна, если ни одно государство или группа государств не считает выгодным ее менять; государство или государства попытаются изменить систему, если ожидаемые от этого выгоды перевешивают предполагаемые отрицательные результаты; государства будут стремиться изменить международную систему до тех пор, пока предполагаемая цена дальнейших изменений не сравняется или не превысит предполагаемых выгод; как только достигнут баланс между ценой и выгодностью дальнейших изменений, будет наблюдаться тенденция более быстрого возрастания экономической стоимости поддержания status quo, чем необходимых для этого экономических возможностей; если нарушение баланса международной системы не ликвидировано, то тогда система будет изменена и будет установлен новый баланс, основывающийся на перераспределении сил*10. В предложенной схеме интересна позиция автора в отношении баланса между выгодой от перемен и их ценой. Как представляется, тут можно усмотреть определенную близость с предложенной в данной работе идеей разумного риска и ограниченного ущерба, хотя, конечно, очевидна и разница, заключающаяся, в частности, в том, что у Гилпина речь идет о любых изменениях, а не только о тех, которые связаны с проблемой выживания человечества.

Несомненно, что любое общество развивается по определенным законам, носящим исторический характер. Вместе с тем, для целей именно данного исследования было бы, видимо, правильно избегать искушения объяснять развитие всех общественных отношений, лишь исходя из таких общих исторических законов. В данной главе автор исследует причины возникновения опасных ситуаций, исходя скорее из законов развития отдельной личности или относительно узких социальных групп, хотя постоянно это не подчеркивает, употребляя терминологию общего плана, такую, например, как "позиция государства". Это происходит, конечно, не из заблуждения, а лишь в целях упрощения изложения. Видимо, должно представляться достаточно очевидным то, что такие понятия, как "разумный риск" и "ограниченный ущерб" применимы именно к поступкам личности и связаны скорее с категориями морали (в том числе, конечно, общественной и международной, но и одновременно морали отдельной личности), чем права. Такой подход не есть отказ от объяснения общественного развития не на основе исторических законов. Дело в том, что именно в данном случае на поверхности явления лежит не столько общая закономерность, сколько психология отдельной личности, что следует из достаточно простого положения - ни при какой ситуации нормальная личность не может вести дело к всеобщей катастрофе, то есть и к своему собственному уничтожению. Вероятно это скорее закономерность более общего плана, поскольку в аномальных случаях личность способна уничтожить себя физически, а общество нет. По счастью, нам пока не пришлось убедиться в обратном. Тем не менее формирование явления имеет место скорее в сознании отдельной личности или относительно узкого круга лиц, принимающих государственные решения или влияющих

С. 4118

на их характер, и прямо, как видится автору, не проистекает из общих законов общественного развития, которые могут лишь вести к более или менее благоприятной для этого обстановке. Иными словами, в данном конкретном случае применять, например, классовую теорию развития общества или в целом пытаться объяснить ситуацию, опираясь непосредственно на учение об историческом материализме, не представляется продуктивным. Если можно пытаться, например, предвидеть мирный или немирный ход тех или иных исторических событий, предсказывать революционный характер перехода от одного способа производства к другому, опираясь непосредственно на общую теорию развития общества, то описать возникновение опасности всеобщей катастрофы на основе такого же подхода для автора не видится возможным.

Необходимо в связи с данной темой коснуться также таких понятий, как международный деликт и международное преступление. С одной стороны, представляется, что действия, которые ведут к опасности всемирной катастрофы, справедливо было бы рассматривать как международное преступление, т.е. как международное противоправное деяние, возникающее в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается как преступление перед международным сообществом в целом*11. Тем не менее следует все-таки удерживаться от искушения считать, что международные преступления - это действия, прямо направленные на создание опасной для человечества ситуации, а все остальные нарушения международного права можно считать международными деликтами. Действительно, если какие-то действия совершенно очевидно ведут к катастрофе, т.е. к ситуации, когда государство - инициатор таких действий само будет уничтожено, и это государство само подобную опасность сознает, совершенно, видимо, неоправданно исходить из того, что оно умышленно такие действия предпримет. Соответственно, тут правильнее было бы говорить о случайности, а не об умышленных действиях. Другое дело, когда государство - актор надеется на благоприятный исход. Оно при этом может заблуждаться, но тем не менее речь тут идет уже об ограниченном ущербе и о разумном риске, которые по определению предполагают, что в силу просчета может возникнуть глобальная угроза. Кроме того, опасная ситуация, возникшая в целом случайно, могла иметь в качестве одной из причин и правонарушения, не носящие столь серьезного характера, как международные преступления (т.е. речь идет о международном деликте). Иными словами, международное преступление и международный деликт не эквивалентны, с одной стороны, действиям, прямо и очевидно ведущим к глобальной катастрофе, и, с другой стороны, действиям, предполагающим возможность "разумного" риска и "ограниченного" ущерба.

Будут ли позиции государств совпадать в вопросах, когда речь идет о "разумном" риске и "ограниченном" ущербе? Представляется очевидным, что она будет совпадать лишь тогда, когда сами такие государства будут намерены проводить линию, предполагающую подобный риск и ущерб. Однако в такой ситуации не будет и стоять вопрос о запрещении мероприятий, проводимых в соответствии с подобной линией. В лучшем случае речь пойдет о внешней регламентации, предполагающей сохранение ситуации в "разумных" и "ограниченных" рамках. Тогда же, когда какие-то государства будут предполагать, что они могут пострадать в результате чьих-то мероприятий, основанных на "разумном" риске и "ограниченном" ущербе, то несомненно их позиция не совпадет с позицией государств, организующих такие мероприятия.

Для защиты своих прав они скорее всего объединят свои усилия, однако, это будет использованием уже не правовых, а иных средств принуждения. Что же касается использования правовых рычагов, то в этом отношении можно сказать следующее.

Мы подошли к формулированию важного критерия, на основе которого можно определить, какие правовые средства следует использовать – документальное оформление или "мягкое" принуждение. Действительно, если мы еще раз обратимся к категориям "разумный" риск и "приемлемый" ущерб, то придем к выводу, что они всегда сопровождаются намеренными действиями государства и предполагают несовпадение позиций отдельных государств. Наоборот, ситуации, в возникновении которых ни одно государство не заинтересовано, сопровождаются совпадающими позициями (по определению) и отсутствием преднамеренных действий, наличием случая.

Если позиции государств совпадают, то речь идет о документальном оформлении, а если не совпадают, то, видимо, о "мягком" принуждении. Логично напрашивается следующий вывод – если имеет место намерение, то используется "мягкое" принуждение, а если неправомерные действия и случай – то документальное оформление.

Как представляется, использование критерия намеренного и случайного результата может оказаться достаточно полезным на практике при выборе внешнеполитических и дипломатических средств (в нашем случае правовых средств) для решения определенных проблем.

Если какое-то государство или группа государств намеренно проводит курс, который, по оценкам других сторон, может быть опасным, то можно ожидать, что такие государства будут одновременно вести следующую линию в отношении возможности заключения или соблюдения правовых норм, ограничивающих такой курс. Во-первых, они под любыми предлогами станут избегать участия в переговорах, касающихся выработки подобных норм. Если же уйти от переговоров по политическим соображениям будет сложно, и участвовать в них все-таки придется, то это государство постарается не допустить принятия решений, по крайней мере, реально ограничивающих его возможности в планируемой им области*12. Даже если соответствующие договоренности будут разработаны и заключены, то вряд ли удастся дождаться, что выступавшее (пусть скрытно) против них государство присоединится к ним. Даже если страна уже является участницей международного соглашения, ограничивающего какую-то деятельность, и она на каком-то этапе сочтет, что осуществлять такую деятельность ей выгодно, и имеются, по ее мнению, условия, обеспечивающие разумный риск и опасность лишь ограниченного ущерба, то эта страна просто откажется от такого соглашения, приняв, конечно, в учет соображения политического и морального порядка. В данном случае мы имеет дело с ограничением возможности принуждения. Обычно никакими правовыми средствами (да, наверное, и не только правовыми) не удастся резко изменить положение вещей в такой ситуации.

Эту ситуацию ясно и наглядно могут проиллюстрировать примеры из области борьбы за разоружение. Хорошо известна позиция США, длительное время либо избегавших ряда переговоров, касающихся ограничения и сокращения определенных видов вооружений, либо участвовавших в них, но чисто формально, во многом, видимо, руководствуясь лишь соображениями воздействия на общественное мнение. Даже если какие-то решения принимались и соглашения вырабатывались (например, ОСВ-2), они потом не ратифицировались. Как только США сочли, что Договор по противоракетной обороне сдерживает их военные космические программы, они приняли курс на фактический отказ от него ("широкое" толкование договора именно это и означало).

В других областях достаточно показательны позиции государств, не участвующих в ряде международных соглашений - Договоре о нераспространении ядерного оружия, Договоре о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах и т.д.

Позиция государств может достаточно радикально измениться в отношении тех проблем, которые, как выясняется, касаются выживания человечества. В отличие от большинства (но не всех) международных вопросов, эти проблемы будут рассматриваться международным сообществом однозначно - с точки зрения их скорейшего успешного разрешения. Таким образом, если становится очевидным (в результате различных обстоятельств - аварии, достаточно убедительных доказательств ученых), что существующая проблема реально связана с решением вопроса о выживании человечества,то можно ожидать, что по отношению к ней сформируется единый подход. Достаточно показать, что "разумный" риск и "ограниченный" ущерб не будут таковыми и последствия могут последовать самые опасные, и это во многом способно предрешить успешное урегулирование конкретной проблемы. На практике встречается значительное количество примеров, подтверждающих это. Борьба за обеспечение выживания человечества идет по меньшей мере по двум крупным направлениям. Одно из них - политическое. Это, как правило, общественные движение или позиция отдельных государств, активно доказывающих опасные последствия тех или иных действий (загрязнения окружающей среды, гонки вооружений), т.е. по существу доказывающих, что ущерб и риск не будут ограниченными и разумными, или предлагающих модели поведения, способные снизить степень риска и отодвинуть пределы опасной ситуации*13. Эта борьба, носящая, как уже было указано, скорее политический характер, ведется и в дипломатической форме.

"Мягкое" принуждение - это второе крупное направление такой борьбы. Вообще говоря, в ряде случаев именно общественное движение, курс отдельных государств или групп государств, направленные против "разумного" риска и "ограниченного" ущерба, создают моральный климат, необходимый для "мягкого" принуждения. Но эти два направления хотя и являются двумя сторонами одной медали, но не одним и тем же. Первое основывается на методах морального, политического, научного воздействия (когда результаты научных исследований показывают, что риск и ущерб могут быть неприемлемыми) и лишь отчасти ведется в дипломатической форме. Второе же как правило ведется в дипломатической форме, существо его известно достаточно узкому кругу специалистов, оно основано на использовании специфических правовых методов и международного права в целом. Результаты его далеко не очевидны для общественности, и к тому же даже не всегда удается проследить, в итоге каких конкретных дипломатических шагов в прошлом возник сейчас тот или иной результат.

Возникает вопрос, можно ли использовать категории преднамеренности и случайности результата в качестве надежного критерия применимости тех или иных правовых средств в отношении проблем иных, чем обеспечение военной и экологической безопасности? Для ответа на него необходимо еще раз обратиться к существу использования этих категорий. Очевидно, что предпринимаемые тем или иным государством международные акции являются результатом преднамеренно проводимого курса. Трудно представить себе какие-то действия в этой области, которые не были бы предварительно, по крайней мере, сформулированы. Другое дело, что результаты этих акций далеко не всегда совпадают с теми, которые предполагалось получить. Иными словами, внешнеполитические акции есть результат

преднамеренных действий, а возникающие в результате этих акций ситуации могут по содержанию не совпадать с предварительными расчетами, т.е. быть в том числе и случайными. Весь вопрос заключается в том, сколь приемлемой может быть такая случайная ситуация. В нашем случае, когда речь идет о выживании человечества, ответ однозначен - та часть случайно возникающих ситуаций, которая угрожает существованию человечества, является неприемлемой. В отношении ее можно ожидать наличия единого подхода со стороны всех государств. Те же ситуации, которые также затрагивают вопросы выживания, но не угрожают жизни на Земле, уже не всегда могут вызывать по отношению к себе такой однозначный подход. Взять к примеру войну между Ираном и Ираком. Наверное, вряд ли эти страны планировали столь затяжные военные действия. Но поскольку война не угрожала одновременно ни обоим катастрофическими последствиями, то позиции их в отношении возможности и порядка прекращения боевых действий не совпадали. Подобная же ситуация сложилась, например, в отношениях между США и Канадой по проблеме кислотных дождей. Ясно, что американские компании не преследовали цель вызвать такие кислотные дожди. Но сколь скоро подобная ситуация сложилась, возник вопрос об оценке ущерба и в целом характера опасности для каждой из сторон. Позиции сторон не совпали, поскольку канадцы терпели только ущерб, а американская сторона, тоже страдая от этих дождей, одновременно была заинтересована в промышленном производстве.

Таким образом, напрашивается вывод, что критерий оценки ситуаций в зависимости от того, возникли ли они в результате преднамеренного планирования или случайно, имеет практическое значение лишь в том случае, если по рассматриваемой проблеме складывающаяся случайная ситуация будет вызывать одинаковую реакцию всех государств, а в частном случае быть для них всех неприемлемой в силу угрозы для самого их существования. В принципе, критерий преднамеренности и случайности может быть использован для анализа разных проблем, но в нашем случае он несомненно применим в силу того очевидного обстоятельства, что государства не заинтересованы в своем собственном уничтожении. Например, можно быть уверенным, что у большинства государств будет близкая позиция, по такой ситуации (возникающей, естественно, не в силу преднамеренных шагов), как опасные заболевания, даже если они и не угрожают уничтожением всего человечества. В международной практике можно найти достаточное количество и других подобных примеров, касающихся безопасности человечества.

Как уже было отмечено, практически все внешнеполитические государственные акции являются результатом предварительного планирования, т.е. осуществляются преднамеренно (за исключением, может быть, случайных высказываний государственных деятелей и других подобных ситуаций), однако, результаты таких преднамеренных акций, т.е. реально возникающие ситуации, далеко не всегда совпадают с прогнозом. Если они не совпадают в достаточно существенной мере, никем предварительно не планировались и не ожидались, можно считать их возникающими случайно. На практике, однако, грань между случайными ситуациями и преднамеренным результатом далеко не такая ясная и очевидная, как в теории, и, вообще говоря, в определенной мере условная. Во-первых, отдельные государства могут предвидеть катастрофические последствия каких-то шагов. Могут предвидеть их и какие-то социальные группы (партия "зеленых", например), отдельные ученые, политические и общественные деятели. Конкретных примеров из области борьбы за мир и за охрану окружающей среды можно было бы привести предостаточно. Вопрос заключается в том, в какой мере

прогнозы этих государств, специальных групп и отдельных лиц принимаются в расчет другими государствами в процессе формирования внешнеполитического курса (или внутриполитического, но затрагивающего интересы других стран).

Во-вторых, далеко не сразу и не очевидно возникает ситуация, опасная для существования человечества. Это особенно касается состояния окружающей среды, поскольку всемирная военная катастрофа, если она случится, произойдет скорее всего не только неожиданно, но и весьма быстро. Если же ситуация перерастет в опасную постепенно, то она попадает под категорию опасной тогда, когда большинство государств убеждается, во-первых, что развитие событий выходит из-под контроля, и, во-вторых, что оно приобретает опасный характер. Именно эти три критерия (выход из-под контроля, опасный характер и всеобщее осознание этого) определяют и грань между ситуациями, возникающими в силу преднамеренного курса и случайными ситуациями. Важно подчеркнуть, что случайные ситуации могут возникать как самостоятельно ("случайная" война в силу технической ошибки, авария), так и перерастать из запланированных ситуаций (ограниченная война, ограниченный экологический ущерб).

Говоря о случайных ситуациях, необходимо отметить, что в современную эпоху, вообще, видимо, необходимо более внимательно изучить такую категорию, как случай. Случайные события могли сыграть значительную роль и раньше. И в предыдущие времена случайные события, касающиеся, например, отдельных государственных деятелей, приводили в конечном итоге к международным событиям большого значения. Случайно занесенные опасные болезни становились настоящим бедствием для целых континентов. Однако никогда раньше не существовало двух важных факторов. Во-первых, сейчас степень освоения планеты столь велика и она столь плотно заселена, что последствия значительно большего числа случайно возникающих опасных ситуаций могут затронуть всю цивилизацию. Во-вторых, уровень развития техники стал небывало высоким. Произошла научно-техническая революция, которая ознаменовала начало периода, когда научные идеи стали способны создавать новые материальные блага непосредственно, без промежуточных производственных звеньев. Однако отрицательной стороной высокого развития техники и новой роли науки стало то, что точно так же, как и положительные, так и отрицательные результаты отдельных научных расчетов и предложений, а также технических мероприятий стали носить глобальный характер. Опасность последствий интеллектуальной или технической ошибки приобрела глобальный характер. В этом смысле роль такой ошибки, роль опасной случайности и стала самостоятельной категорией, фактором, способным вызывать проблемы глобального характера. По существу, человечество на практике уже предпринимает меры, чтобы предотвратить возможные последствия таких случайностей или сами эти случайности. Уже выработаны и действуют Конвенция о физической защите ядерного материала, об оповещении в случае ядерных аварий, есть соглашение об экстренной связи между СССР и США в случаях угрозы миру. Более мелкие соглашения регулируют вопросы, например, грузовой марки (т.е. направлены против перегрузки судна и фактически против возможности аварии) и др.

3. Умысел, неосторожность, упущение, вина, самонадеянность

В праве существует уже давно сложившиеся категории умысла,

неосторожности, упущения, вины. Однако, видимо, ни одно из них не является полным эквивалентом категорий преднамеренного результата и случайного результата и не сможет выполнять их функций в целях данного исследования.

Действительно, мы рассматриваем ситуации, возникающие как в силу преднамеренного курса государств, так и возникшие непреднамеренно, случайно. Важно то, что далеко не все такие ситуации, как одного, так и другого вида, представляют реальную опасность для существования человечества. Далеко не все преднамеренные действия, приведшие в конечном итоге к опасной ситуации, являются международным деликтом. Более того, не все нарушения международного права, и даже не все международные преступления в принципе могут прямо привести к ситуации, угрожающей существованию человечества. Отправная точка, центр данного исследования - это обеспечение выживания человечества. Исходя из этого, предлагаются средства, способные обеспечить достижение цели, предлагаются критерии оценки этих средств, основывающиеся на практической и теоретической целесообразности, определяются правовые категории, которые могут быть эффективно использованы именно для решения данной конкретной задачи - обеспечения предотвращения военной и экологической опасности, угрожающей существованию человечества. При этом, конечно, вполне возможно, что методы и категории, которые определены в данном исследовании, могут оказаться полезными и при анализе других правовых ситуаций. Цель этой работы - определить пути возникновения и развития опасных для существования человечества ситуаций и одновременно найти юридические пути противодействия этому процессу. Не все нарушения международного права прямо угрожают существованию человечества и точно также не все ведущие к такой угрозе действия противоречат международному праву. Например, агрессия - наиболее опасное международное преступление - противоправна, и борьба против ее возникновения несомненно связана с проблемой выживания. Подобную же опасность представляет и накопление запасов оружия, разработка новых его видов, торговля оружием. Далеко не всегда, однако, можно считать эту деятельность противоправной. Видимо, обоснованно предполагать, что серьезное нарушение теплового баланса планеты грозит катастрофическими последствиями, но в международном праве вряд ли удастся найти нормы или принципы, хотя сколь-нибудь определенно касающиеся этой проблемы, если речь не идет, конечно, об умышленном воздействии на окружающую среду в военных целях.

Наиболее близкими к категориям преднамеренного и случайного результата являются в праве умысел, неосторожность, упущение, самонадеянность. Умысел является одной из форм вины. Для наличия вины же необходимо, чтобы субъект сознавал опасный характер своих действий, предвидел опасные последствия, сознательно допускал их наступление. Нужно, однако, еще раз подчеркнуть разницу между просто опасными последствиями и последствиями, опасными для существования человечества. Это далеко не одно и то же. Не вызывает сомнений, что с международными преступлениями следует бороться, а нарушений международного права следует не допускать. Но в еще большей мере необходимо стремиться достичь главную цель - обеспечить выживание человечества, и методы борьбы за это имеют свою специфику (хотя, конечно, такой подход совсем не означает, что не нужно бороться, скажем, против нарушений международного права в целом).

Такая специфика заключается в следующем. Можно уверенно утверждать, что ни одно государство не ставит своей целью уничтожение человечества, не планирует действий, направленных на достижение этой цели. Если исходить из этого положения, то можно

считать, что при квалификации действий, способных привести к такому результату, нельзя говорить об умысле. Вина в таком случае может существовать (а может и не существовать), но это скорее преступная самонадеянность или небрежность, т.е. неосторожность. Таким образом, когда мы говорим об умышленном результате, то не имеем в виду, что этот результат - уничтожение человеческой цивилизации. А значит, категории умысла и неосторожности, хотя они где-то и перекликаются с категориями умышленного и случайного результата, тем не менее не применимы.

Следует отметить, что институт ответственности занимает своеобразное место при решении проблем, касающихся выживания человечества. Как уже мы выяснили, далеко не всегда можно говорить о наличии вины в случаях возникновения опасных для всего человечества ситуаций. А раз нет вины - значит не может быть и основанной на ней ответственности (хотя возможна абсолютная или объективная ответственность*14). Абсурдно, кроме того, говорить об ответственности, когда речь идет о возможном уничтожении объекта этой ответственности. Тем не менее этот институт все-таки играет определенную роль при решении проблем, связанных с выживанием человечества, и этот аспект проблемы будет подробнее исследован ниже. Кроме того, вина - это отношение к своим деяниям, а умышленный и случайный результат - это по определению результат таких деяний. Подход к оценке событий по результату, а не по наличию вины, продиктован и тем, что определение вины необходимо не само по себе, а для решения вопроса об ответственности.

Нужно также отметить, что, например, в статье 3 проекта статей об ответственности государств, разработанного в Комиссии международного права ООН, понятие вины не упоминается в качестве необходимого элемента международно-правового деяния государства.

4. Двойственный характер проблемы разоружения

Рассмотрим теперь, какие международные ситуации из уже известных можно отнести к возникающим как непреднамеренный результат какой-то деятельности и возникающим как преднамеренный результат государственного курса. Речь, разумеется, идет о ситуациях, которые в принципе можно считать опасными, способными перерасти в экологическую или военную катастрофу.

Особый интерес при этом представляет рассмотрение проблемы накопления запасов вооружений, их распространение и совершенствование. Внешне она выступает как единая проблема, и мы нередко склонны рассматривать и как единое целое путь борьбы с этим - разоружение*15. Действительно, на практике пополнение запасов оружия и ликвидация их выступают как две взаимосвязанных стороны одного физического процесса. Можно, однако, взять на себя смелость утверждать, что, несмотря на внешнюю форму, единый процесс разоружения имеет своим основанием две совершенно различных движущих силы, и в зависимости от того, какая из них превалирует, можно рассчитывать, насколько переговоры об ограничении запасов вооружений, об их ликвидации или о противодействии их распространению будут успешными.

Возьмем уже сформулированный нами критерий преднамеренного и случайного результата. Для того чтобы его применить, установим, для каких целей существует оружие. Во-первых, оно может выступать как орудие осуществления насилия. Во все предыдущие эпохи оно в основном

именно такую роль часто и играло. Будучи произведенным, оно в конечном итоге когда-нибудь бывало и использовано. Конечно, наличие оружия является и фактором политического давления, позволяет угрожать использовать силу. Однако оружие - это и средство защиты. Возможность дать вооруженный отпор, нанести ответный удар служит уже сдерживающим фактором, удерживает другие государства, например, от агрессии. Если оба или несколько государств способны нанести эффективный ответный удар, если ни одно из них не имеет решающего военного преимущества над другим, то между ними устанавливается своеобразный баланс. Необходимость сдерживания породила и такое понятие (в том числе и в доктрине международного права), как уровень разумной достаточности*16. Конечно, этот баланс является балансом силы и с точки зрения морали он не является лучшим способом поддержания мира (но совсем не с точки практической целесообразности). Тем не менее вооружения являются основой баланса силы, и, будучи одним из орудий противодействия агрессии, являются соответственно в определенной мере и способом поддержания мира, и эту их роль отрицать нелогично*17, хотя несомненно, что сила и оружие не являются единственными серьезными факторами в вопросах сохранения мира. Уместно в этой связи привести высказывание госсекретаря США Г. Киссинджера на конференции по внешней политике в 1973 г.: "Как только достаточность достигнута, дополнительное увеличение мощи не переводится в используемую политическую силу, а попытки достичь практических выгод могут привести к катастрофе"*18.

Можно соглашаться или не соглашаться с точкой зрения, что именно ядерное оружие является основным сдерживающим агрессию фактором, поскольку оно, в отличие от обычных вооружений, позволяет намного легче нанести ответный удар, причем такой, который вызовет массовые разрушения. Может быть, такую же роль могут играть и химическое, и бактериологическое оружие.

Не вдаваясь пока более подробно в анализ проблемы разоружения, отметим также еще следующее. Можно ожидать, что в той мере, в какой запасы вооружений, их рост, совершенствование и накопление будут рассматриваться частью государств или всеми государствами как реальная угроза существованию человечества, заключение необходимых международных соглашений и принятие практических мер будет, по сути, лишь делом техники. В той же мере, в какой государства склонны рассматривать оружие как гарантию собственной независимости, как неизбежный элемент поддержания мира на основе баланса силы или как средство осуществлять ограниченное организованное насилие, не угрожающее, по их мнению, всеобщей военной катастрофой, то в этих пределах вряд ли можно рассчитывать на легкие дипломатические успехи. Тут скорее речь следует вести об изучении того, насколько риск является разумным, убеждать в наличии реальной опасности другую сторону (если такая опасность действительно существует, что совсем не аксиома) и одновременно вести в отношении нее по дипломатическим и иным каналам линию "мягкого" принуждения. Такой курс, естественно, оправдан лишь тогда, когда действительно существует опасность катастрофических последствий.

Вышесказанное необходимо пояснить несколько подробнее. В принципе, является общепризнанным факт, что ядерный конфликт даже относительно ограниченного масштаба может угрожать катастрофическими для человечества последствиями. Между СССР и США - крупнейшими ядерными державами - давно ведутся переговоры по различным направлениям, касающиеся, в частности, проблемы владения ядерным оружием. В каждой из этих стран есть специалисты, которые придерживаются различных точек зрения, сколь мал или велик риск возникновения между СССР и

США ядерный войны. Однако имеется достаточно широко разделяемое понимание, что если такая война в силу хоть сколь угодно малого шанса, но состоится, то победителей в ней не будет. Естественно, что полной гарантии того, что подобное не случится, быть не может. Конфликт может состояться (если попробовать определить наиболее разумно возможную причину) в силу технической ошибки, например, сбоя в компьютерах, из-за неверной оценки чужих действий, по причине политического просчета, недостаточно продуманных политических и военных акций, наконец, в силу неконтролируемой эскалации бывшего сначала безобидным противоборства в каком-то вопросе. Конечно, все эти возможности крайне маловероятны, но полностью исключать их из расчета было бы неверно. Обратим внимание, что во всех этих случаях речь идет не о преднамеренном, а о случайном результате. Следовательно, вполне обоснованно было бы предполагать, что оба государства будут занимать одинаковые позиции в отношении необходимости снижения таких случайностей до минимума. Как закономерный практический итог этого и было заключено в 1973 г. соответствующее Соглашение между СССР и США о предотвращении ядерной войны. Стороны Соглашения согласились "действовать так, чтобы предотвратить возникновение ситуаций, способных вызвать опасное обострение их отношений, избежать военных конфронтаций и чтобы исключить возникновение ядерной войны между каждой из сторон и другими странами"*19. США и СССР пришли также к договоренности, что "если в какой-то момент отношения между сторонами или между каждой из сторон и другими странами будут выглядеть как влекущие риск ядерного конфликта или если отношения между странами, не являющимися участницами настоящего Соглашения, будут выглядеть как влекущие риск ядерной войны между СССР и США или между каждой из сторон и другими странами, Советский Союз и Соединенные Штаты ... незамедлительно приступят к срочным консультациям друг с другом и предпримут все усилия для предотвращения этого риска"*20. Этим, конечно, содержание Соглашения не исчерпывается, но приведенные выдержки представляются вполне показательными. Между СССР и США существуют и иные договоренности подобного содержания, однако в данном случае важно показать существо вопроса.

Можно ли считать достаточно опасными испытания ядерного оружия? Может быть, к ядерной катастрофе подобные испытания и не приведут, тем более, что они не привели к ней в конце 50-х и начале 60-х гг., но ущерб, который испытания наносили, представляется достаточно серьезным, во всяком случае, ущерб окружающей среде. В результате, в 1963 г. был заключен Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. К моменту его заключения по крайней мере три основные ядерные страны - СССР, США и Великобритания - уже обладали ядерным оружием и уже испытали его основные виды. Запрещение испытаний для них не означало фактического запрета на разработку и владение таким оружием. Естественно, что ни одна из этих трех стран, уже обладая этим оружием, не желала наносить бессмысленный ущерб окружающей среде. Вероятен другой мотив - заключить всеобщий универсальный договор большого международного значения, неучастие в котором будет связано для других стран с определенными политическими издержками. Не намереваясь в 60-е гг. непосредственно заняться созданием своего собственного ядерного оружия и стремясь, очевидно, не допустить, чтобы оно появилось и у других стран, многие государства стали его участниками. В результате теперь начать подобные испытания, выйти из Договора означало бы для них реальную опасность оказаться под серьезной международной критикой. Наверное, три государства - авторы договора, могли

предвидеть такое развитие ситуации, и они могли придерживаться по этому вопросу близких позиций. Хорошей иллюстрацией подобного подхода мог бы послужить и вопрос о нераспространении ядерного оружия. Данный частный пример, когда третьи стороны вынуждены вступать в договор или по крайней мере его уважать, хорошо мог бы проиллюстрировать на практике существо "мягкого" принуждения. Так, в 1973 г. Австралия и Новая Зеландия обратились в Международный Суд с исковым заявлением против Франции в связи с ядерными испытаниями в южной части Тихого океана, в котором просили признать эти действия противоправными. Франция была вынуждена с 1975 г. отказаться от испытаний в атмосфере, т.е. уважать обязательства Договора 1963 г., не будучи его участником, хотя решение суда не могло быть для нее формально обязательным. Иными словами, политические издержки перевесили в расчетах Франции ее возможности оставаться на формальных позициях.

В целом же в данных случаях можно проследить закономерность - тогда, когда государства по какому-то вопросу стремятся предотвратить нежелательное, непланируемое ими развитие событий; когда они имеют дело с возможностью случайного результата, то налицо совпадение принципиальных позиций, и как итог - заключение соответствующей договоренности.

Конечно, предотвращение опасного случайного результата не единственный мотив заключения соглашений в области контроля над вооружениями. Поскольку вопрос о разоружении носит ярко политический характер и международная общественность остро на него реагирует, вполне естественны попытки достичь в этой области договоренностей, предусматривающих пусть не радикальные меры, но какие-то достаточно заметные шаги, что несомненно будет способствовать росту престижа сторон таких договоренностей. Вполне возможным мотивом может выступать и желание путем установления ограничений или сокращения вооружений в определенных областях сместить военно-стратегический баланс в свою пользу. Надо предполагать, что в любом случае этот фактор учитывается, особенно когда речь идет о государствах с различным научным и техническим потенциалом, когда структура их вооруженных сил различна и когда количества сокращаемых каждой стороной вооружений одного вида не совпадают. Такие попытки на практике несомненно имеют место и, в частности, это касалось переговоров между СССР и США о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и о сокращении стратегических наступательных вооружений*21.

Вышеуказанные соображения конъюнктурного характера не направлены на коренное решение вопроса о разоружении, но они могут служить определенной движущей силой в этом направлении и привести пусть к ограниченным, но каким-то результатам.

Нужно отметить, что к примеру, приведенному выше и касающемуся заключения соглашений о сохранении вооружений по политическим мотивам, с целью укрепить свой международный престиж сильного государства, не может быть применен критерий случайного и преднамеренного результата. Дело в том, что, как уже указывалось, использование этих критериев оправдано лишь в случаях, когда речь идет об опасности уничтожения человеческой цивилизации, о выживании человечества. В данном же случае речь идет о достижении ограниченных целей, не связанных с выживанием человечества. В этом сложность проблемы разоружения, которая внешне выступает как единый вопрос, но по существу имеет двойственный характер. Что же касается запрещения испытаний ядерного оружия в трех средах, то и к этой проблеме может быть применен критерий случайного результата лишь в той мере, в

какой действиями сторон договора руководили соображения не частного, а общего порядка – не предотвращение ограниченного ущерба окружающей среде, а обеспечение выживания человечества.

Несколько по-иному стоит вопрос в отношении примера, касающегося попыток сместить военно-стратегический баланс в свою сторону. Тут несомненен преднамеренный результат, попытка добиться с помощью дипломатических и политических средств цели, носящей в своем зародыше "разумный" риск и непосредственно не связанной, по расчетам, с опасностью всемирной катастрофы. Другой пример подобного рода – это активное нежелание Франции и Великобритании сокращать свой стратегический ядерный потенциал. Очевидно, эти страны строят свою позицию исходя из того, что обладание этим видом оружия гарантирует им не только независимость, но и особый статус в международных делах. Владение этим оружием рассматривается ими, надо полагать, как "разумный" риск, не угрожающий непосредственно ядерной катастрофой. На практике этот тезис далеко не так бесспорен – достаточно вспомнить хотя бы историю англо-аргентинского конфликта в связи с Фолклендскими островами и просочившиеся в этой связи в прессу сообщения о том, что Великобритания была готова к применению ядерного оружия.

Еще один пример – программа "звездных войн", которую США не склонны рассматривать в качестве угрозы существованию человечества. Вполне вероятно, что риск такого трагического исхода ничтожно мал, хотя, к сожалению, абсолютно точный ответ на этот вопрос может дать только практика.

Во всех этих случаях мы имеем дело с ситуацией, когда страны преднамеренно стремятся к достижению какого-то результата, который рассматривается другими сторонами как чреватый опасной всеобщей катастрофой. Нечего говорить, что в этих случаях нет оснований ожидать легкого достижения соглашений о предотвращении таких ситуаций. Тут возможны другие пути, и среди них уже упоминавшиеся нами "мягкое" принуждение и одновременные попытки просчитать и доказать реальную опасность позиции этих стран, убедить их на научном уровне или путем широкого общественного движения, что речь идет об угрозе их собственному существованию.

5. Ущерб окружающей среде

К ситуациям, угрожающим глобальной катастрофой и возникающим как непреднамеренный, случайный результат человеческой деятельности, можно отнести значительную часть случаев нанесения ущерба окружающей среде. Тут можно даже пойти дальше и утверждать, что практически любая достаточно крупная авария, вызвавшая загрязнение, даже пусть и не в таких масштабах, которые угрожают уничтожением жизни на Земле, является нежелательным результатом, который любые государства будут единодушно готовы предотвратить. Не всегда, конечно, заранее можно предполагать, аварии какого типа могут произойти, но после таких случаев международное сообщество нередко предпринимает весьма энергичные усилия, чтобы предотвратить впредь подобное опасное развитие событий. Яркий пример – авария в Чернобыле. После нее в довольно короткие сроки были выработаны и приняты такие соглашения, как Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии и Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации, хотя за несколько лет до этого, несмотря на очевидную теоретическую возможность подобных опасных случайностей,